

Виктор СЛАВЯНИН

БЕГСТВО ИЗ РАЯ

Повесть

По залитой ярким июльским солнцем сельской улице бежала высокая полноватая женщина. Песок разъезжался под босыми ногами и обжигал ступни, и ей казалось, что с каждым новым шагом она всё глубже проваливается в глубокую горячую трясину. Пробегая десятка три шагов, она останавливалась и хваталась за сердце, стараясь удержать его на месте.

— Чего случилось, Варка?! — крикнул ей вслед женский испуганный голос из-за тына.
— Ты куда бежишь?!

Но оставшееся без ответа заборное любопытство сразу перешло в злую брань и полетело вдогон, ударяя больно в спину, заставляя ещё быстрее бежать.

Добежав до колодца, что одинокой часовенкой возвышался на толковище сельской площади, Варвара взялась за полированный ухват коловорота, стараясь удержаться, чтобы не упасть. Белый платок сбился на затылок, волосы упали на лоб и прилипли, утонув в половодье пота. Сердце металось в груди точно дикий зверь по клетке, застигнутый пожаром. Постояв секунду-другую в раздумье и переведя дыхание, женщина, не спеша, твёрдым широким шагом пошла в сторону хаты, которая замыкала угол от двух проулков, вбегавших на площадь.

Во дворе навстречу ей из-под хлева с хриплым лаем вырвалась чёрная кривоногая собачонка, злобно скаля мелкие белёдые зубы. Псина уже была готова вцепиться в ногу, но получив короткий удар задубевшим, как кныш, большим пальцем, с жалобным воплем скрылась под воротами хлева.

Варвара стремительно прошла по грязному двору и снова в нерешительности остановилась на ступеньке деревянного крылечка. Поправила блузку, косынку и, оглянувшись мельком на площадь, суетно перекрестившись, резко толкнула дверь.

В хате у окна на табуретке сидел мужик в серой косоворотке, опущенной поверх солдатских галифе. Босой, он чинил сапог, посаженный на стальную ногу, — прокалывал в подошве шилом дырки и вбивал в них квадратные берёзовые гвоздики. Варвара прикрыла за собой дверь и прислонилась к ней, чтобы не упасть. Мужик сидел спиной к гостье и продолжал вбивать гвозди, ожидая, когда женщина заговорит. Но от быстрого бега и волнения дыхание у Варвары сбилось, и она хватала воздух широко раскрытым ртом, не имея сил вымолвить даже короткое слово.

— Тебе чего? — не выдержал мужик.

— Ро... Ромась, миленький! — пересиливая себя, выкрикнула женщина с мольбой в голосе и, поперхнувшись собственными словами, застыла в испуге. Язык холодным камнем застрял во рту.

— Садись, — Ромась медленно повернулся на табуретке, протянул руку и пододвинул свободную табуретку женщине. — Гостем будешь.

— Ромась, я за тебя на любую работу в колхозе... И косить... И на току... Ну, какую скажешь! Бог не даст сбрехать! Только ты не откажи, Ромась, миленький. Я тебе ноги целовать стану...

— Ты сдурела, Варвара, как мне сдаётся? — хозяин заёрзал на табурете, пытаясь избавиться от неловкости. Нервно ударил по гвоздю. Тот пошёл косо. — Говори, чего пришла?

— Ой, Ромась! Согласись! согласишься? Мы тебе всю работу в колхозе...

— Сдался мне ваш колхоз! Не хожу я в него, — раздражённо сказал Ромась. — Ты про дело давай, если чего от меня надобно вдруг.

Он ещё раз пододвинул к женщине табурет.

— Ой, только не откажи, миленький Ромась! — Варвара оторвала руки от кончиков платка и снова схватилась за них, словно за спасительную соломинку. — Сейчас стою я в дворе... Корове траву режу. Гляжу, какие-то два дядьки около тына крутятся. «Дай, молодница, воды попить». Я им кружку подала. Траву тихо режу, а сама интересуюсь — откуда и кто такие? А как узнала, то сразу до тебя... — дыхание женщины снова сби-

лось, и она умолкла, словно задохнулась. Но, перехватив удивлённый, непонимающий взгляд хозяина, снова взмолилась: — Ромась, миленький, только не откажи... Я тебе половину своих трудодней отдам... А то — и все.

— Ты себе лучше их оставь, — равнодушно сказал Роман, выслушав комканую речь. Но когда женщина произносила слово «миленький», ёжился, по лицу пробежала чуть заметная нервная дрожь, точно его больно кололи чем-то острым. — Ты, Варвара, говори толком — кто приходил и чего от тебя хотели? Некогда мне.

Ромась поднял с пола второй сапог и принялся разглядывать его.

— Так я ж сказала! — снова взволнованно выпалила женщина. — Одного зовут Макогоньч, а другого...

— Какое мне дело, как зовут тех, кто до тебе в двор ходит! — не выдержав, раздражился хозяин. — Говори, зачем пришла?

— Ой, Ромась, миленький, не откажи... — мокрое лицо Варвары накрыла смертная желтизна. Ей показалось, что этот хмурый, не поднимающий головы мужчина встанет сейчас и вытолкает её в спину из хаты на двор, как в могилу. И она ещё быстрее затараторила: — Начальник этот, Макогоньч, и его тракторист приходили. Они мимо нашего села канаву какую-то рыть удумали. Копальщиков нанимают. Про мужиков спрашивали... чтоб шли копать... А они трактором закидывать станут... Деньги за работу сразу дают... Через две недели дадут этот... Ну, что вперёд платят?..

— Аванс, — буркнул под нос Ромась.

— Во, во... Аванц... Потом получку... Я бы своего Серёжу послала, так он не умеет ещё. А ты можешь, Ромась, миленький. А я за тебя в колхозе...

— Да не хожу я в колхоз! — повторил Ромась. — А чего ещё говорил тот начальник?

— Чтоб кто хочет — пусть идёт уже завтра.

— А по сколько платить будут?

— Ой, я ж не узнала! — снова испуганно выпалила Варвара. — Сейчас сбегая, узнаю... Серёжку пошлю... — женщина ухватилась за дверную ручку, готовая бежать. — Они сразу за бродом... Будку трактором притянули.

— Это я и без тебя узнаю. А тебе от меня чего надобно?

Женщина отрешенно посмотрела на Ромася и поняла, что пришла напрасно. Язык снова перестал слушаться. Она обмякла, плечи повисли, губы нервно задрожали, искривившись. Глаза наполнились блеском слёз.

— Ты или говори, или иди с хаты, — сказал резко хозяин и встал.

— Пойди на эту канаву, — с огромным трудом сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, выговорила Варвара. — А мы тебе половину трудодней своих отдадим. А деньги, канавные, пополам... Совсем голые и босые ходим... Эту зиму кое-как протянули... А мы тебе покосим... Сережа мой...

— Малой ещё твой Серёжа. Гляди, грыжу наживёт...

На дворе радостно тявкнула собака. Заскрипели петли входной двери. Варвара испуганно оглянулась на шум, а затем, посмотрев на Ромася, с безысходностью в голосе произнесла:

— Я и на Таньку твою трудодни отработаю.

В хату вошла маленькая худая женщина лет тридцати с длинным вздернутым острым носом и следами оспы вокруг него. Увидев гостью, испуганно остановилась в дверях, уставилась на Ромася. И уцепившись за него глазами, словно репейник в собачью шерсть, крикнула:

— Ты чего сюда пришла?!

— Не твое это дело, — ответил Ромась.

— В моей хате и не мое дело?!

— Иди, Варька, иди, — тихо сказал Ромась. — Я сам про всё прознаю.

— Чего это ты будешь для этой сучки узнавать?! — воскликнула Татьяна и, отступив от двери, освобождая выход, крикнула в лицо гостье: — Чего ты к людям пристаёшь?!

— Замолчи! — громко сказал Ромась. Подойдя к Татьяне, обхватил за плечи и подтолкнул к печи. Та даже не сопротивлялась. Только зачем-то принялась взмахивать короткими руками, как цыплёнок крыльями. — А ты иди, Варвара, — недовольно добавил он. — Разузнаю... и скажу тебе... Или твоему Сереже передам. А ты сюда не ходи...

* * *

Когда-то Ромась и Варвара любились.

Провожала она его в армию в уже таком далеком сорок пятом, пела и веселилась вместе со всей деревней и обещала ждать.

В тот год запоздало бабье лето. Поначалу осень всё хмурилась, надрываясь ветрами, разгоняла жёлтую листву по опустевшим садам и полям. Но последнее тепло вдрут на-

катило в середине октября. Зависли в воздухе длинные белые нити паутины; и, глядя на их неподвижность, можно было подумать, что время застыло, остановилось. Только журавли, собиравшиеся в стаи и кружившие над голыми полями, тревожными криками вещали скорое приближение холодов — с небесной высоты им было виднее.

В селе провожали в армию парней.

Во дворах, где были новобранцы, заливались гармонии, задоря захмелевший народ. Вдруг над селом чей-то могучий голос запевал про Дорошенку. Но его перебивали голоса из других дворов:

*Мы вели машины, объезжая мины,
По путям-дорожкам фронтовым...*

Всему этому многоголосью затравленно подвывали собаки.

— До хаты пора, — шептала Варвара на ухо Ромасю, прижимаясь к его щеке губами. — И зачем парней в армию берут. Война уже кончилась.

— Без этого нельзя.

— Ждать тебя сколько?

— Еще не ждала, а уже плачешь.

Они лежали на берегу реки и слушали тихий шум ночи. Под обрывом у самой воды какой-то зверёк — должно быть выдра — долго плескался, затем зашумел прутьями краснотала и умолк, затаился. И всё затихло. Только река продолжала отсвечивать неярным ночным светом.

— Ой, Ромась, как же я буду без тебя теперь?

— Пойдём и скажем твоим батьке и мамке.

— Придумаешь такое.

Варвара поднялась и уселась на колени. В лунном свете матово блестели её полные бёдра. Заметив, что Ромась смотрит на них, натянула на колени подол юбки.

— Не нагляделся ещё?

Ромась молчал.

— Я говорю — не гляди! А самой ой как хочется, шоб ты всё время на меня смотрел.

Варвара стремительно вскочила на ноги, сбросила на землю блузку, выскользнула из юбки и осталась стоять в одной рубашке. Яркий свет полного месяца обливал серебром её упругое молодое тело. И Ромасю чудилось, что это на берег выбежала русалка, которая сейчас плескалась под обрывом, и что нет вокруг осени, а эта ночь никогда не кончится.

— Скажи, что ты меня любишь, — Варвара снова упала на колени рядом с парнем.

— Люблю... Ты замерзнешь.

— Не так. Скажи: люблю тебя, люблю, люблю...

Ромась приподнялся и попробовал взять руки Варвары в свои, но девушка ловко отпрыгнула, смеясь.

— Ну, говори, что ты меня любишь!

— Ты далеко, не услышишь.

— А ты крикни!

— Собаки только-только утомонились в селе. Распугаем.

— И что ты за человек, Ромась, — Варвара легла рядом с парнем на ватник. — Мне хочется, чтоб ты всё время говорил, что любишь меня.

— Ты будешь меня ждать?

— Для чего спрашиваешь? Мне без тебя теперь никуда... А ты гляди там, в армии...

— А чего мне глядеть. Мы уже с тобой вроде как записанные...

Долго лунный свет высвечивал луг за рекой, лес, стараясь не заглядывать на берег.

— Ромась, а звезды далеко или близко? — спросила Варвара, глядя в небо.

— Зимой — далёко...

— Ой, чего теперь будет? — перебила тревожно она.

— А летом — рукой можна зачерпнуть, — не заметив девичьей тревоги, сказал Ромась. — Которые сильно близко — за тучи цепляются и падают.

— Ты мне каждый день писать письма должен. Будешь?

Роман пошевелил занемевшей рукой, на которой лежала голова Варвары.

— Ты чего молчишь? Не будешь писать?

— По руке мурашки ползут...

— Ну и пусть ползут... Ты будешь мне писать каждый день, обещаешь!

— Буду... — ответил Ромась. — Давай пойдём к твоим и скажем про всё.

— Батько на мне свой костыль ломает.

Но ей хотелось кричать о том, что случилось сейчас у них с Романом. Она была счастлива и даже жалела, что это не произошло раньше, а только когда Роману нужно уходить от неё.

Почувствовала Варвара, что вдруг, в одночасье окунулась в совершенно иную жизнь, о которой она догадывалась и мысли о которой наполняли душу неясной дурманящей мути уже не один год. И сейчас казалось, что видит, как, стелясь над ночным лугом чуть заметным сизым туманом, от неё уплывает та, бывшая, до смешного неинтересная жизнь и исчезает за лесом. А новая, почему-то лишённая головокружащего дурмана, словно молодой месяц, родившись, впустила её в себя. И чудилось, что эта, другая жизнь чиста, до звона прозрачна, ясна и понятна.

— Ромась, попросись, чтоб тебе на весну в армию взяли, — сказала девушка. Её голос снова стал сеять тревогу. И зачем-то добавила: — Брата Андрея убили ж на войне... А люди болтают, что новая будет. На турка теперь пойдут...

— Нельзя.

— А как же я без тебя теперь буду? — тревога сменилась отчаянием. Ромась что-то говорил, но Варька не слышала его. А слышит совсем иной голос, далёкий, завораживающий, сладко поющий, зовущий её за собой. Чувствовала, что не хозяйка она уже себе, что эта новая жизнь тянет в сладкий, крутящийся омут. И единственная ниточка, которая держит на поверхности и не позволяет утонуть, — лежащий рядом Роман. Она прижалась всем телом к парню, словно хотела прирасти навсегда, чтобы очутиться в этом омуте вместе с ним. Но сладкая круговерть не принимала его, отрывала от неё.

— Говорил — замерзнешь, — Роман набросил на Варьку полу ватника, ноги прикрыв юбкой.

— Ромась, миленький. Пропаду я без тебя, — Варварины глаза утонули в слезах, слезах надвигающейся беды, которую она не может обминуть, как отяжелевший дождь не может не упасть на землю. — Не уезжай... Прошу тебя... — и закрыв глаза, она беспрестанно повторяла в мыслях одно и то же: «Пропаду без тебя! Пропаду...»

— Скажем матери. Чего крыться?..

— Да что ты заладил про мать и отца... Разве... Не уезжай, Ромась, миленький...

Варвара обвила шею парня руками, стала безудержно целовать глаза и губы. И чудилось, что нет Ромася рядом, а обнимает она какую-то тень. А тень опутала её десятком тонких извивающихся рук, похожих на ленты, подхватила и понесла в горячую, искрящуюся высь, откуда доносились усыпляющие сладкие звуки. И чем выше она уплывала, тем слаще становилось звучание нежной песни, падающей с ярко освещённых небес.

И она не сопротивлялась, с радостью утонула в сладостном забытьи...

Ранним утром Ромась с худым узелком ушёл на большак в солдаты...

А к полудню того же дня в селе появился старший сержант Павел Горлач, сын Варькиных соседей, провалявшийся последние полгода в госпитале и демобилизованный по случаю окончательной победы в войне. И Варвара из надрывно громких проводов попала в весёлый и радостный, горластый угар встречи живого героя. После трёх дней гуляния очнулась она на сеновале соседского хлева, среди горького аромата пересохшей травы в объятиях разудалого Павла.

А через неделю уже пошла за демобилизованного сержанта.

Только после записи в сельсовете уже никакого веселья не было. Свёкор хотел было по пути домой забежать к деду Харитону за сулеей, но свекровь заголосила на полсела:

— Погуляй уже, когда встретились. Корми гостёв! А потом самим с февраля христарадничай, — и махнув свидетелям худой рукой, сказала: — Другой раз придёте!

Правда, Павел по дороге из сельсовета два раза забежал к соседям. И когда пришли в свой двор, он уже немного шатался.

За ними увязались два весельчака с гармонью и бубном... Но свекровь напустилась на парней пуще иной собаки.

Свадьбу гуляли немо. На стол поставили чёрный чугунок с картошкой, заправленной жареным луком. Раздали деревянные ложки и рядом положили по одному солёному огурцу. Когда начали есть, во дворе снова заголосила гармонь. Варвара поднялась из-за стола, желая пригласить гостей. Но свекровь опередила — выскочила в сени и с грохотом задвинула железный засов на входной двери.

В дверь стучались.

— Открой! — попробовал приказать свёкор.

— Не эздэ!¹ Не постреляют, — огрызнулась свекровь, уселась за стол и упёрла белёсые совиные глаза в ложку, в которой дымилась картофелина.

Гармонь удачно пропела ещё несколько слов, а потом, взвизгнув обиженно, умолкла и ушла со двора...

¹ SD - политическая полиция, одна из спецслужб Германии.

Молодые полезли на печь...

Потянулись зимние скучные дни с однообразной домашней работой. Иногда встречала Варвара у колодца тётку Василину, мать Романа, учтиво здоровалась, отводя глаза. Но спрашивать о чём-либо не решалась. Да и должна ли была интересоваться кем-то чужая жена...

Павел, как бывший заряжающий САУ¹, определился механиком в МТС². Он пропал на машинном дворе неделями, возвращаясь домой только на воскресенье. И всегда пьяным. На несмелые упрёки жены отвечал буйным гневом. Однажды за сноху вступился свёкор. Но сын в пьяном угаре огрел отца рогачом по спине, после чего старик месяц лежала на печи, харкая кровью, днём и ночью стелая от боли, и вскоре помер. А машинно-тракторное начальство недолго терпело хмельные проделки механика, ко всему прочему оказавшегося записным лодырем и безутешным неумёхой. Возвратившись в село с десятью тридцатками, — заработком и выходным пособием, — Павел просадил половину с председателем колхоза, бывшим пасечником, и получил должность конюха. Оказавшись охранником гнедого пятилетнего жеребца и четырёх престарелых кобыл, он чувствовал себя на колхозной конюшне главным хозяином колхозной жизни. За бутылку самогона позволял «спользовать» животину и телеги. В отсутствие в селе председателя, Павел запрягал жеребца в бричку и куролесил по улице и переулкам, стараясь аккуратно подмять копытами загулявшую нерасторопную кошку или случайно вырвавшегося со двора на свободу пса. Маленькую коморку у входных ворот конюшни, где хранились хомуты, вожжи и седёлки, отгороженную от денников плетёной стеной из крепких прутьев ивняка и вымазанной толстым слоем глины, он превратил в «шанхай». Тут собирались мужики «забить козла» и потолковать «за военную жизнь». Про дом Павел, казалось, и не вспоминал, часто ночуя на конюшне, обходясь вместо домашней стряпни подношением за «спользованных» коня и телеги.

Варька старалась не думать и не вспоминать про Романа. Да и зачем ей выкручивать душу, как сухие коренья, когда живот крепко уже надулся и кто-то живой иногда требовательно стучал в грудь, заставляя останавливаться дыхание. Только раз защемило Варькино сердце по улетевшему счастью. Как-то невзначай набежала удушливая волна, словно дым от весеннего костра: в августовскую жаркую пору потянуло её на заветное место к речке. Уговорила она Павла сходить вечером на берег. Захотелось ей, как голодному хлеба, ещё раз окунуться в тот сладкий омут, услышать ту песню, что угасающим эхом иногда долетала от берега до хаты и продолжала тревожить душу. Ей казалось, что на берег невидимый Дух счастья снова принесёт ту самую заветную песню от леса, луга и реки и наполнит ею каменное нутро мужа.

Они сидели у реки битый час молча. Варька ждала, что вдруг от леса налетит ещё не забытый, сладостный порыв и, накрыв собою их, вдохнёт в душу Павла хоть малую толику нежности и любви. А он, тяготясь присутствием жены, непрерывно садил сигарки из едкого самосада, и дым от самокруток стелился плотным облаком над рекой, затмевая свет кровавого летнего заката. Уже и звезды проклюнулись на потемневшем небе, а вокруг все молчало, точно обиженные река, луг, лес и даже ветер не хотели замечать Варьку...

За рекой кто-то зажёт костёр.

Павел оживился, стянул сапоги, поставил их рядом с женой, поднялся и, смачно сплюнув, буркнул: «Я пошёл». Он в три прыжка перелетел брод, засеменя босиком к манящему свету костра и растворился в серой тени луга. Вскоре у огня загорланили песню. И из месива звуков можно было выделить пьяный голос мужа.

Варьке хотелось заплакать, побежать к тётке Василине, поклониться в ноги и умолять вернуть ей Романа. Да кто приветит брюхатую бабу — чужую жену — да ещё и при живом муже. И в сухих её глазах не было слез.

Она тяжело поднялась, подхватила мужнины сапоги и, переваливаясь из стороны в сторону, медленно пошла домой вдоль реки. Ещё не остывшая за жаркий день земля почему-то холодила босые ноги. Но идти быстро не было сил. И ей казалось, что она замерзает.

* * *

В декабре, за неделю до Нового года, когда за глиняными стенами хаты мела и выла снежная заверть, при первых лучах холодного солнца Варвара родила сына.

Об этом доложил Павлу посланный на конюшню внук бабки-повитухи. Конюх оставил лошадей, побежал в село, выпросил самогона и, не приходя домой, устроил весе-

¹ САУ - самоходная артиллерийская установка.

² МТС - машинно-тракторная станция.

лый праздник для дружков прямо на конюшне. Веселились до поздней ночи. Народ разошёлся, а Павел заснул тут же, подложив под голову хомут. Разбудил его ошалевший жеребец, стоявший в деннике за плетёной стенкой. Перед тем сонный конюх ногой опрокинул керосиновую лампу, огонь долго тлел на войлочной попоне, наполняя хомутную ядовитым дымом. Жеребец громко ржал, призывая на помощь, и будоражил несчастных кобыл. А когда огонь голодным сполохом взмыл к стропилам и стал лизать соломенную крышу, конь всей своей свирепой мощью навалился боком на стенку, завалил её и, ударив конюха копытом в колено, вырвался на уже ярко освещённый, бело-снежный двор и с диким ржанием умчался в ночную холодную тьму подальше от спящего, жгучего зарева.

Павел, не чувствуя боли в ноге, успел открыть денники и выпустить кобыл.

На пожарище сбежался сонный люд. Но тушить никто не взялся, резонно рассудив, что пылает далеко от сельских хат, да и добро-то колхозное, а не своё.

В вечер того же дня из района к пепелищу подъехали на санях трое: два милиционера в тёмно-синих шинелях, засупоненные в крепкие кожаные португали, и сухонький, маленький старичок в коротком полупальто и белых бурках. Один милиционер допрашивал конюха, благо Павел не сбежал с пепелища. Второй пошёл по дворам расспрашивать свидетелей и составлять протоколы за «кражу колхозного имущества» на тех, кто сжалился над полуголодными брюхатыми кобылами и с пустого холодного снега загнал несчастных животных в хозяйский тёплый хлев.

Старичок споро, деловито обходил дымящиеся остатки колхозного добра и что-то быстро записывал в толстую тетрадь. За ним, как несмышлёный барашек за овцой, бегал председатель, мордатый Сафрон-пасечник, и севшим от непрерывного крика и ругани на морозе голосом материл конюха, стараясь разглядеть в записях старичка что-либо важное для себя.

Районные дознаватели уехали только на ночь глядя, прихватив с собой Павла.

Мытарили его в милиции недолго. К обеду следующего дня он поставил смачные жирные закорючки на десятке листов и, пообещав следователю, что никуда не сбежит, был отпущен домой. Когда Павел напяливал шапку, старичок, оказавшийся самым главным следознаем в районе, как-то невзначай мягко и вкрадчиво сказал, точно хотел приласкать злую собаку:

— Суд тебе штраф в десять тысяч назначит. А слиняешь — десять лет впаем.

И только выйдя на полусгнившее крыльцо милицейского дома и сделав несколько шагов, Павел почувствовал несносную боль в колене. Он кое-как доплёлся до рынка, надеясь найти там попутную машину или подводку, но вместо них, как на грех, нос к носу столкнулся с однополчанином, списанным с войны по причине осколочного ранения в голову. Наскоро выплакав бывшему наводчику в распахнутую шинель своё несчастье, Павел как будто сразу избавился от душевной тяжести, как от сущей безделицы. Тем более что контуженный однополчанин, клятвенно разбивая о собственную грудь кулаки, пообещал помочь уладить дело: милицейский старшина, определённый на спец-должность ночного топтуна-охранника парадной двери здания райкома-исполкома, — его родной брат.

По последней бойцы выпили уже около десяти вечера, потому что внезапно, вдруг подоспел ненавистный час закрываться рюмочной. И Павел, точно очнувшись, поведал своему приятелю:

— У меня вчера... сын родился!.. Во как! А я ещё не видел его... Ты у меня кумом будешь!.. — и надрывно запел: — Над крылечками дым колечками...

— И черемуха под окном... — подхватил приятель.

Попутка довезла пьяного конюха до перекрёстка, где с большаком схлестывалась дорога, бежавшая из села. ЗИС осветил холодным огнем занавоженный съезд, скатывавшийся в поле. Долго ждал, пока пассажир выберется из кузова на снег. И умчался в стынущую ночь.

Оставшись на обочине в кромешной мгле, Павел долго соображал, куда идти. И пересиливая боль в распухшей ноге, поплёлся, угадывая натопанную твердь...

Нашли Павла через три дня у длинной скирды, что стояла в двух сотнях метров от большака. Туда его заманила дорога-обманка, накатанная санями, возившими солому на подстилки скоту. Он скованно спал, поджав ноги, отгородившись толстой охапкой соломы, как от злых собак, от назойливо кусачего мороза, от не взвешенного трезвым сознанием, неподъёмного штрафа за поджог, от мало ему интересной не фронтовой жизни. Руки закаменелой хваткой крепко держались за больную ногу. Лицо Павла застыло с такой живой гримасой, что нашедшему бездыханное тело показалось, будто нога у Павла всё ещё продолжала болеть.

После похорон Варвара переселилась от свекрови в собственную хату. Перебираться — дело недолгое: через тын переступила — и родина.

Вскоре на сельский погост к разваленной церкви отвезла она и собственную мать. После этого дом и вовсе осиротел.

С приходом весны стали затягиваться понемногу житейские раны. Но подоспела новая напасть — косящей болезнью по дворам пополз чёрный слух про налог на сады. И что брат его вознамерилась власть не грушами, вишнями и через год — яблоками, а деньгами за каждое дерево.

Шёл народ в правление на собрание, вдыхая аромат молодого вишнёвого цвета, а уходил, неся молчаливый приговор весеннему садовому буйноцветью. Мужики вернулись домой после собрания утрюмые, а бабы — с раскрасневшимися от слез глазами. Даже ярый до власти и всякой приказной глупости председатель Сафрон-пасечник и тот, прочитав присланный из района указ, тотчас после собрания, когда ещё самый нерешительный, сомневающийся народец не успел разойтись, примчался к главному собутыльнику конюха Павла, смурому, запойному Якову Усику с сулеей самогона и топором.

— Ты за меня срубай моё... — угодливо потребовал он, беспрерывно расчёсывая то шею, то грудь от налетевшей вдруг чесотки, как будто стыдился своего председательства. — Мне ж самому это никак не дозволяется. Если узнают, что я своими руками... — он задыхался махорочным перегаром. — На Беломор загонют... как я партейный... член!» — и громко выматерил себя за это самое, до сих пор устраивавшее его, членство.

И заложив жеребца в бричку, председатель полетел на ночь глядя в район, чтобы во время предрассветного садового разора быть на виду у начальства.

А к полудню следующего дня погас в сельских садах белопенный весенний пожар. Пережив немцев и румын, деревья не устояли под топорами хозяев. А хаты свежесвебеленными стенами вздыбились над землей, стали напоминать голых срамных баб, захваченных врасплох и выгнанных на юр каким-то полоумным, пьяным охальником.

В тот день даже рассвет зачинался без солнечного румяного рдения и птичьих радостных, призывных песен.

Засеяв пшеницей и просом огород, посадив вокруг хаты картошку и всякую огородную мелочь, Варвара оставила грудного сына на попечение свекрови, а сама ушла в город. Нужно было искать работу, хоть какую, за которую платили бы деньги. Но её нигде не брали — не было соответствующего документа: справки из сельсовета или паспорта. Тогда она стала уходить в город по пятницам и возвращалась в воскресенье к ночи или в понедельник к рассвету.

По селу поплыли кривотолки. Бабы языки, скорые на брехню, перешёптывались, что Варька спуталась в городе с какой-то старухой-сводней, которая помогает ей зарабатывать известным способом. Но к лету Варвара всё реже ездила в город.

Заработанное же на трудодни помещалось в двух трехпудовых мешках: в одном ячмень, в другом жито. Полагавшиеся полведра сахара и ведро пшена Сафрон-пасечник отписал в колхоз в пользу облигаций... И всё это за махание от зари до вечерней темени здоровенной лопатой у вейалки на току да за спиной?м на свекловичном поле с весны до осенних заморозков. Могли бы дать больше — добавить ведро пшена, да председатель высчитал его за «гуляния с городскими» по субботам.

Протянула кое-как Варвара без мужика три года. На четвёртую весну, как только посеяли со свекровью просо и посадили картошку, ушла в город. Вернулась она через месяц. И уж ближайшим вечером свекровь вышла на посиделки с товарками в новом зелёном платке, а маленький Серёжа выскочил со двора на улицу в коротких городских штанишках со шлейками, обутый в крохотные коричневые парусиновые «бульдоги» на три размера больше, чем детская ножка.

Снова за спиной у Варвары зашевелились ядовитые языки.

— Мы тута спину гнем, а она, лярва, гляди, чего выделяет! — возмущались бабы, прикрывая дурным словом от чужого глаза собственную зависть.

— Шлёндрает!

— Она как цуцыка нарядила!

И никто не глянул на её руки, огрубевшие от подённых стирок по городским квартирам, изъеденные каустиком, излизанные кипятком и от этого красные, точно раки, вываренные в мыльном кипятке. И только чуть заметная бабьелетняя паутина морщин серой сетью опустилась на Варварино молодое лицо, немного испрямив и крепче сжав короткие полные губы, да вылив под глаза синеву теней.

Через неделю Варвара привела откуда-то тощую полуживую тёлку. Когда она переводила через брод скотину, встретился ей председатель Сафрон-пасечник на бричке, запряжённой вороным жеребцом. Поравнявшись, он зло сказал:

— Знал бы Павел про твои шашни, из земли встал бы и задавил бы гадину!

— А ты полезай до него в могилу, — ответила, смеясь, Варвара, — и пошепчи на ухо,

хрен старый! А мне потом весточку передашь...

— Тфу, курва! — только и выпалил председатель, не имея сил вытащить другие слова из горла, сдавленного одышкой.

Тёлку выходили всем гуртом.

На другую весну, вспахав на себе огород, засеяв, Варвара снова собралась идти в город подёничать по богатым квартирам.

Оставив свекрови большую бежевую бумажку с цифрой «50», припрятанную ещё с прошлого года на «случай» да «на гостинцы дитю», и, наказав глядеть в оба за коровой и малым телком — не пускать в стадо, а пасти самим, — пошла в сторону большака, пообещав «скоро» вернуться.

Но вернулась она уже через час.

Когда село скрылось из виду, а дорога готова была вильнуть в лес, за которым был большак и бегали машины до города, нагнал её мордатый председатель всё на той же бричке, запряженной всё тем же вороным дьяволом. Не слезая на землю, размахивая перед лицом Варвары толстым кнутовищем, закричал, хватая воздух широко раскрытым ртом:

— Пойдёшь в город — всё в огороде перепашу! Всё кругом хаты отрежу!.. И тебе, и свекрухе!.. — и, поймав испуганный взгляд женщины, в радостной злобе добавил: — Ты чья?! Ты — колхозная! И нечего по асфальтам своим задом елозиться! Мало тебе мужиков тутась!

В бричке под ногами у председателя лежал складной саженный метр. Варвара выдернула его и перетянула им толстую спину старика. От боли председатель взвыл. Второй удар пришлось по быльцу брички и переломил мерило пополам, а перепуганный жеребец взял с места в карьер.

Уже развернувшись, пустив коня галопом прямо на Варьку, пасечник, всё ещё криваясь от боли, заорал:

— Лярва толстозадая! За струментарий по закону побегешь в Беломор! Я тебе усё поотрезаю!

Варвара долго стояла на дороге в раздумьи. Понимала — этот старый нелюдь обязательно выполнит угрозу: отрежет землю, а ещё хуже — перепашет посеянные картошку, жито и просо. И решила вернуться.

Надежда, что сумеет отработать стиркой деньги, взятые в долг у добрых людей, на которые была куплена тёлочка, растаяла и разлетелась, подхваченная ветром.

«А без огорода и вовсе погибель наша, — сказала она себе. — Единственный кормилец. Все трудодни на налоги пойдут... Хотя картошка на зиму будет...»

Дома, при свете керосиновой лампы, она уселась за стол. Принялась выводить на листе, вырванном из старой тетради, случайно дожившей ещё с её второклассного школьного далёкого времени, толстым химическим карандашом большие аккуратные буквы. Испачкав губы чернильной грязью, Варвара, как умела, объяснила, что не может приехать надолго, и просила не волноваться и подождать от неё денег, а долг она обязательно «отработает». И пообещала каждый месяц на один день приезжать стирать. А ещё дописала:

«Когда у меня поспеет ягода всякая смородина паречка крыжовник то я с сыном Сергеем к вам целую корзину привезу. А после налога вишни вырубанные ише не выросли. И налоги всё забирают. Не думайте ради Христа что я вас обманываю. Пока я живая обязательно верну всё до копеечки и ише своё отдам. А помру. То сыну накажу. Он отдаст. Кланяюсь вам низко в ноги. Варвара Горлач вдова».

Письмо она отдала письмоноше.

Когда же к Варваре во двор вошли два незнакомых мужика и сообщили, что набирают рабочих на рытьё траншеи и за это будут платить деньги, она стала проситься сама, а потом предлагать пятилетнего сына Серёжу. Но получив отказ, долго не раздумывая, побежала к Роману Литовке.

* * *

Как только Варвара ушла, Татьяна учинила скандал.

— Чего удумал для этой сучки делать?

— Ты не ругайся, — попросил Роман.

— Так чего она прибежала?!

— Канаву попросила покопать. Мне не жалко, — Роман уселся к окну и принялся за второй сапог.

— Ишь ты! Чего захотела! — выкрикнула Татьяна, не понимая, о какой канаве идёт речь. — Мало ей в городе чужих мужёв?! Так сюда!

— По мне лучше копать, чем с тобой цапаться, — сказал Ромась.
 Но Татьяна продолжала ругаться, двигая рогаком горшки в печи.
 — Ты ей чего, нанялся?! Пуцдай сама и копайт! — печная заслонка выскользнула у нее из рук и с дребезжанием и визгом, выворачивающим нутро, ударилась о глиняный пол. — А ты?! Хватит за Христа ради копать! Фершалке погреб выкидал? Так она хоть если не грошей, так лекарству какую бы дала! А то, видали, токо две курки дохлых. И это — за целюсенький погреб!
 — А тебе они для чего... лекарства?
 — Ты вона какой из армии вернулся. Контуженый...
 — Где это я контуженый?
 — Сам знаешь где. Год, як вернулся, а детей нету.
 «Может, это ты контуженая», — Ромась огрызнулся обиженно про себя. Отложил сапог. Ему стало неуютно сидеть в хате.
 Угадав, что Роман хочет уйти, Татьяна в собственное оправдание зачем-то крикнула:
 — А чего это ты должен за её работать?! Нагуляла дитё — пускай и копайт.
 — Все дети нагулянные, — Ромась снял косоворотку, вспомнив, что на воротнике оторвалась пуговица. — Какие — с горя, какие — с радости. Я нагулянный, и ты нагулянная.
 — Я — законная! У меня батько и мамка были!
 — У всех батько и мать имелись. Только Иисус без отца родился, бедолага...
 — Выходит, что Иисус — бастрюк?!
 — Ему можна и без батьки. Он — святой, — Роман влез на печь, достал подушечку, в которую были воткнуты иголки.
 — И ты в святые попасть хочешь? Свои гроши кому-то отдавать! Каким-то голодранцам...
 — Она мне свои трудодни...
 — Мы ещё поглядим, какие будут эти трудодни. С нашим пасечником если до Рождества дотянем — то и слава Богу. А ты пошёл бы и отнёс бы свой паспорт в район. Тебя б в колхоз записали. И имел бы трудодни. Тебе Сафрон ключи от амбара обязательно отдал бы. Ключник — это не капусту и картошку полоть с утра до ночи...
 — Сколько можно тебе долдонить одно и то самое? Не хочу я идти в ваш колхоз, — Ромась притягивал ниткой пуговицу.
 — Чего б это я держалась за эту бумажку, как блоха за кожуха?! Сдался этот паспорт, если от него никакой пользы. Без него до сих пор жили... А копать к Варьке не пушу! Так и знай!
 — Ты меня не стращай, — негромко возмутился Роман. Надел рубаху, резким движением перехватил её широким солдатским ремнём, заправил складки на спине. — Я тебе даже не сват и не брат пока, чтоб мною командовать.
 — Это ты куда собрался?!
 — А про Варьку будешь брехать — рот зашью, — лицо его нахмурилось. На щеках пропахались глубокие, длинные морщины.
 — Чего это я должна молчать, когда она посреди дня от баб мужёв отбивает?! Какусь канаву придумала!..
 — Я пока тебе не муж, — сказал Роман тихо. — У меня своя хата за тыном стоит...
 — Ты у меня и есть приймак! Не нравится — иди в свою! Чего до моего зада лабунишься...
 Последние слова Татьяны догнали Ромаса уже в сенях и пролетели мимо. Все его мысли сейчас были на лугу, где какие-то люди решили рыть канаву.
 «Надо поглядеть, — буркнул он, выходя во двор. — Далёко не идтить...»

* * *

После возвращения из армии Ромась, сбив с окон тесины, приколоченные кривым крестом, неделю слонялся по двору, по пустой хате, не находя для себя дела. Спалив в печи последние дрова, оставшиеся после покойницы матери, решил привезти новые. Выпросил для этого у председателя коня и телегу. Но его, груженного хворостом, застужал лесник. Пришлось долго объясняться. И чтобы уладить неприятности, предложил вырыть леснику погреб. С того погреба покотился по дворам слух, что Роман Литовка за малые деньги, а чаще за харчи, может быстро вырыть погреб или в паре с хозяином — колодец.

Вот только зимой мерзлую землю не роют... И не имея никакого хозяйства во дворе, Роман устроился в райцентре сторожем на галантерейной базе, но не сошёлся с главным кладовщиком — не согласился помогать вывозить по ночам ворованный товар, — и его вынудили уйти. Перебивался случайным заработком — то какой вдове тын под-

нимет, то подлатает сорванный ветром кусок соломенной крыши. Бобыльное житье заставляло ходить по соседям. Как-то крещенским вечером, зайдя за солью к соседке Татьяне, такой же бобылке, крикливой, длинноносой молодухе, попал на шумное застолье, да так и остался.

С Варварой он несколько раз встречался в магазине. Холодно здоровался и старался поскорее уйти. Ему казалось, что Варька смотрит на него вызывающе, надменно, как бы всем своим видом говоря: «Сам виноват. Не надо было ходить в армию». А сейчас, ворвавшись в чужую хату со слезной мольбой, Варька разом расколола в душе Литовки ледяную скорлупу отчужденности, за которой он спрятал от себя, как в могиле, желание видеть эту женщину.

* * *

Ромась, миновав сельский прогон, огородами пошёл к реке.

Дорога выскочила из овсов и потянулась вдоль берега. Он испугал своим появлением береговых ласточек. Птицы с шумом сорвались с дырявого, как сыр, берега и, скользя белыми грудками по серебру воды, взмыли вверх, тревожно крича. Ещё издали Литовка увидел на луку за рекой маленький домик и чёрный трактор, который чуть слышно покашливал, как больной старик.

«И точно приехали рыть, — обрадовался он и вдруг заволновался. Ладони у него вспотели. — Сейчас мужики налетят... Если меня возьмут копать, то тут можно будет заработать...»

И заражаясь этой мыслью, зашагал быстро, даже немного сдерживая себя, чтобы не бежать.

Долго перебирался через брод. После недавнего дождя вода в реке поднялась, и пришлось раздеваться.

«А как же эти канавчики перебирались? — подумал он. И увидев глубокий след колесных шипов, что уходил от уреза воды к луку, сообразил: — На тракторе. Вот только он нам весь брод перепашет. Придётся уже через месяц кладки сколачивать...»

Возле зелёной будки, снятой с командирского «Студебекера» и поставленной на салазки из больших труб, как на лыжи, сидел грузный мужчина, облокотившись на колени и обхватив короткими пальцами больших ладоней лысую седую голову.

— Вы землю рыть берёте? — спросил Ромась, стараясь перекричать бухтящий трактор.

Лысый, с большим трудом приподняв веки, серой мутью взглянул на просителя и громко, пересиливая бухтение трактора, спросил:

— Документ имеется?

— Документ? — удивился Ромась.

— Забыл?.. Ты государ-рственный чело-овек. Какой у-у тебя доку-умент может быть, мертвая душа? Фершт-тейн?

Он опустил веки и сонно засопел.

— Так тут канаву копают?

— Чё? — голова подлетела испуганно и снова упала на руки. — Бери лопату и рой.

— У меня свои имеются.

Лысый медленно поднял голову и с удивлением окинул Ромася пьяными глазами.

— А ты сразу де-есятью лопа-атами гребёшь? — и осталось непонятным, то ли он спрашивает себя, то ли Ромася. И не имея сил удерживать голову, опять бросил её себе в ладони, точно увесистый камень, выцветший на солнце. — На-ачинай. Фершт-тейн?

— Лучше я завтра с самого утра, — Литовка внимательно осмотрел пожелтевший, выгоревший под жгучими лучами луг, стараясь угадать, где будет начинаться канава. — Какая глубина?

— Ты про-оверяющий? Много знать хочешь? Завтра и по-окажу. У те-бя нету чего выпить? Голова раскалывается.

— Нету.

— Ну, иди с Бо-огом.

— А платите сколько?

— Ты таких де-энег сроду не вида-ал, какие я пла-ачу. Во-осемь целко-овых за метр. Сделаешь три метра — на сургучок¹ за-арботаешь, ме-ертвая ду-уша... У тебя вы-ыпить есть?

— А норма якая? — спросил Ромась.

— Ско-олько выкидаешь — всё твоё будет, — лысый с усилием поднял голову и снова опустил на руки, сонно засопел.

¹ Сургучок - бутылка водки. В начале 50-х годов бутылки закупоривались бумажной пробкой и заливались коричневым или белым сургучом.

Литовка постоял возле него и, поняв, что от этого пьяного человека ничего вразумительного больше не услышит, побрел обратно.

«Штыковая есть, — соображал он, в мыслях готовя себя к завтрашней работе. — Подготовить... На совковой не мешало бы черенок сменить. Короткий. В канаве им работать неудобно. И саперку на всяк случай не забыть... — и вспомнив недобрые слова лысого про десять лопат, подумал: — Знаю я ваший казённый инструмент. Тупой... Дергаки ломаные...»

Пошёл вдоль реки...

На чистом краю пустого тырла¹ купалась голая ребятня. С визгом и криком они стреляли друг в друга струями воды, стараясь увернуть лицо от колючих брызг. Литовка узнал Варькиного сына Серёжу — его смоляная голова выделялась среди выгоревших, белобрысых, — и остановился, наблюдая.

Серёжа, постреляв, вдруг нырнул и, вынырнув, кричал:

— Я дно достал! Там холодрыга! — и, откусив широко раскрытым ртом кусок воздуха, снова ушёл с головой в воду. После третьего нырка он крикнул, держа в кулаке какую-то чёрную палочку. — Чего я нашёл!

— Там ещё есть?! — спросил кто-то, даже не определив ценности предмета.

— Сейчас поищу, — мальчик, не выпуская находку, снова нырнул. — А когда выскочил на поверхность, крикнул: — Нету. Только одна. Обойма от немецкого пистолета.

— Дай поглядеть!

Дождавшись, когда ребятня выберется из воды, Роман поманил к себе Серёжу.

— Чего стало? — торопливо спросил паренёк, задыхаясь и оглядываясь на приятелей.

— Скажешь мамке, что я выкопаю для вас.

— Хорошо, — не понимая, чего от него требуют, согласился Серёжа и с высокого берега прыгнул в воду.

Литовка пошёл домой.

Во дворе на крыльце сидел незнакомец — худенький человек с толстыми обвислыми усами, в городских сандалиях и серой шляпе. У его ног на спине валялась хозяйская собачонка, радостно дергая лапами. Увидев Литовку, незнакомец пошёл ему навстречу. А глупый пёс в радости бросился на хозяина с лаем.

— Вы Роман Кондратьевич? — пытаюсь улыбаться, спросил гость. — Я из Павловки... Директор школы.

— У нас уже говорили, — ответил Ромась, — что в Павловку новый директор приехал.

Они остановились посреди двора. Литовке не хотелось приглашать учителя в хату, а учитель не очень рвался туда.

— Мне сказали, что к вам можно обратиться, — начал директор, борясь с собственной скованностью. — Что вы можете...

— Чего копать? — сразу спросил Ромась.

— Мы решили сделать общий погреб. Для всех учителей один. Сначала хотели — каждый для себя. Посчитали — дорого. А если один на всех — кирпичей и досок все же гораздо меньше.

— Большой? — спросил Литовка.

— Двенадцать на четыре... И глубиной — три.

— Крепкий, — озадаченно ответил Ромась.

— Каменщик у нас свой. Учитель истории. А вот яму некому... Это Петр Иванович вас рекомендовал. Вы у него учились.

— Он ещё живой? — обрадованно спросил Литовка. — Ой, как меня за уши крепко дергал. До этих пор болят.

— Старик совсем плохой. Не встаёт.

— А кто будет землю отгаскивать? — спросил Роман. — Там же сто пятьдесят кубов будет.

— Я школьников позову.

— А с трех метров? Глубина...

— Все... Учителя и дети...

— Тогда ждите. Я инструмент возьму, — Ромась с радостью пошел в хлев, схватил две лопаты. Он был благодарен незнакомому учителю, что тот своим визитом избавляет его от нужды не только заходить в хату, но и быть в этом дворе. — Пошли. Час — туда, час — обратно. Я за три часа успею на метр зарыться.

— Так?... — опешил директор. — Я думал... завтра. С утра... День-то кончается.

— С утра у меня работа. Канаву для телефона рыть. Уже договорились. Нельзя че-

¹ Тырло - место на берегу реки, где отдыхает деревенское стадо в полдень.

ловека подводить. А я после обеда буду приходить. За неделю выкидаю.

Они вышли со двора и пошли к броду.

Тырло пустовало. Только две горлицы деловито ходили вдоль уреза воды, да воробы жадно разбивали засохшие коровьи блины.

Вокруг зелёного вагончика было тихо и пусто. Трактор молчал, а на двери командирской будки висел огромный амбарный замок.

— Давайте одну лопату, я понесу, — предложил учитель, когда пошли по луку к лесу.

Литовка отдал штыковую, а себе оставил совковую.

— Странная у вас лопата, — заметил учитель.

— Такой не купишь, — с гордостью ответил Ромась. — Из армии привез.

Лопата действительно имела непривычную форму. Прямоугольный нож, как заступ, был чуть уже тех, какие продавались в магазинах, но в полтора раза длиннее.

— А почему она у вас белая? — спросил учитель.

— Такое железо. Титан называется. Тот человек, который подарил, сказал, что ей сносу не будет. Он специально для меня её сделал. Говорил — из такого самого железа на их заводе подводные лодки секретные клепают.

— А вы где служили?

— Пограничником. На Амуре. От китайцев сторожил.

— Как вас далеко занесло.

— А какие уроки вы в школе ведёте? — спросил Литовка.

— Математику... физику. И ещё — чѐрчение.

— А я только семь классов в школу ходил. Петр Иванович меня уговаривал, а я с дуру не пошёл у восьмой. Нужно было в район ездить. А потом война... А вы знаете — при немцах в школе комендатура была. Аусвайсы выдавали. Меня в Германию хотели забрать, так я сбежал и в лесу три месяца своих дожидался. Батка немцы на допрос тягали. Побили крепко. Он и помер после того.

Разговор сам как-то умолк. До самой деревни они шли молча. И только когда пришли на школьный двор, директор спросил:

— А почему вы не говорите об оплате?

— Ну... Скоко дадите... Как дадите тысячу, — смущѐнно ответил Литовка. — А то все или кусок свиньи или курицу дают.

— Свиньи не дам. Нет у меня её еще. А три тысячи будет достаточно?

— Конечно.

— Тогда по рукам, Роман Кондратьевич. Пойдѐмте, я покажу вам место.

— От только вы мне кусочек мыла принесите, — попросил осторожно Ромась, — в счёт денег... А то я забыл взять.

* * *

Солнце заходило долго, обливая рубиновым огнѐм железную крышу школы. Потом на ещё сером небе вдруг неожиданно вспыхнула первая яркая звезда. Увидев её, Ромась выбросил последний штык, подравнял совком дно ямы и выпрыгнул на бруствер.

«Пора», — сказал он себе.

Вытряхнул из ботинок землю, набросил рубашку и побрѐл домой.

Когда вышел на луг, совсем стемнело...

Шѐл наугад по давно знакомой дороге. За рекой в селе перекликались собаки, да кое-где перемигивались немощными огоньками окна. У брода, под звездами, он разделся, намылился и с разбегу бросился в воду. Река с радостью приняла его.

Уже на другом берегу Роман долго стоял, ожидая, когда высохнут капли воды, густо облепившие тело. То поднимал рубашку с песка, намериваясь надеть, то бросал её снова, как якорь, который смог бы его удержать возле уреза реки и не пустить в чужую хату. Когда же оделся и взобрался на высокий берег, глянул в конец села, где вдали мерцали влекущие огоньки в окошках Варькиной хаты. Его неодолимо потянуло к этой женщине...

«Ну, приду... — подумал Ромась. — И чего скажу?»

И не находя ответа, медленно поплелся домой.

На прогоне у колодца он остановился и с завистью посмотрел на яркое, выбеленное лунным светом небо, где, смеясь и подмигивая, весело и беззаботно переглядывались звѐзды. Вдруг стала понятна их беззаботность — они были у себя дома.

Чтобы не возиться с ломаной калиткой, перепрыгнул через тын в свой двор. Нашупал под крыльцом ключ, открыл рывком дверь и остановился. Из чѐрной глубины сеней ему в грудь ударили тяжѐлая волна приторного мышинного запаха и нежилой затхлости. Она была столь сильна, что Ромась даже отшатнулся. И не имея сил шагнуть в сени, бессильно сплюнул, набросил на дверь замок и тяжким шагом поплѐлся к Татьяне.

Хозяйка громко храпела на печи.

В хате тоже пахло мышами. И Роман удивился, почему раньше этого не замечал.

На подоконнике он нашёл полбуханки хлеба, крынку молока. Не зажигая лампу, при свете месяца, нехотя пожевал, снял с гвоздя ватник, бросил его на лавку, что стояла у стены, и улёгся.

В ночное окно были видны звёзды и тонкий серп уходящей луны. Вспоминалась застава. И налетела съедавшая его по ночам мысль, что он напрасно вернулся к себе домой.

«Даже стола в хате нету, чтоб посидеть, как люди... Жрешь с подоконника, что тая собака с земли... — пожалел себя Роман. — Лучше б я на Амуре остался...»

* * *

Утром Литовка был у вагончика первым. С недоуменным удивлением он обнаружил на ручке двери сиротливо висевший открытый замок.

«Работнички, — подумал Литовка. — Уже солнце над лесом, а дела никакого. Может, я только один записался? А одному кто работу даст? Наверно, лысый вообще уехал в город?»

Ромась постучал в дверь.

— Кто там? — раздался сонный голос изнутри. — Колька?

— Копать пришёл.

Дверь откинулась. Из вагончика пахло крутым перегаром, смешанным с махорочной вонью. На пороге стоял лысый здоровяк в одних чёрных трусах. Его морщинистое, мятое лицо было серым, а глаза непонимающе смотрели на посетителя.

— Копать?... А, это ты, мёртвая душа. Один?

— Один.

— А чего других не привёл. Хочешь все деньги сам заработать?

— Где начинать? — недовольно спросил Литовка. — У меня нету времени.

— Нету — уходи, — Лысый ещё плавал в волнах водочного угара.

— Какой профиль рыть?

— Откуда ты такой грамотный? Вино есть? — но не получив ответа, добавил: — Тогда жди.

Лысый сошёл на землю и побежал к реке. Оттуда долетел громкий всплеск воды, точно в реку бросили что-то большое и тяжёлое. Когда вернулся мокрый, лицо его совершенно преобразилось — оно даже посветлело, морщины разгладились.

— Где твои гробокоты? — уже серьёзно спросил он. — Обещали прийти к во-осьми.

— К восьми и придут.

— А сейчас которое время?

— Где-то семь.

— Какой чёрт тебя в такую рань принёс? На заводе когда смена начинается? В восемь! Здесь тебе не колхоз, мёртвая душа, а завод. Понял?

Лысый вошёл в вагончик, напялил на себя штаны и рубашку. Достал из-под стола бутылку, глянул на неё и швырнул недовольно обратно.

— У тебя самогон дома есть?

— Нету.

— У кого в селе можно достать?

— Не знаю.

— Боишься, что под статью подведу? — раздражённо сказал лысый. — Леня сходить?... Не могу начать... Плохо мне...

Возле будки появился круглолицый парень лет двадцати, во флотской фуражке без кокарды, сатиновой безрукавке ядовито-зелёного цвета и белых плисовых штанах, закатанных до колен. Его босые ноги были испачканы дорожной пылью. В одной руке он держал белые парусиновые туфли, густо измазанные сочной травяной зеленью, а в другой — авоську, набитую картошкой. Поверх неё лежали бутылка с молоком и бутылка с мутным перваком. Он влетел в дверь будки и громко спросил:

— Ты живой, Макогонич?

— Ты куда водку девал, Колька?! — крикнул лысый. — Выпил?!

— Под столом полбутылки оставил, — ответил парень.

— Бреешь! Пустая она. А ещё принёс?!

— Принёс, — парень бросил на пол авоську и вынул из нее бутылку самогона, закрытую газетной пробкой.

Макогонич быстро налил полстакана и выпил.

— Э-рх-х! — зарычал он, приложив ладонь тыльной стороной к носу, и глубоко втянул в себя воздух: — Колька, чисть картошку, а я покажу человеку фронт.

— Всего только один? — недовольно спросил парень, снимая рубашку. — Прораб,

называется. Даже людей не нашёл.

— А чего ж ты свою дрольку не привёл? — ответил Макогоньч. — Или она после твоих засосов лежит на сене без задних ног?

Он вышел из вагончика и пошёл в сторону леса, поманив за собой Литовку.

— Вот видишь, мертвая душа... — начал было прораб.

— А зачем это вы меня мёртвой душой обзываете?! — возмутился Литовка.

— Тебе не нравится? — Макогоньч, не привыкший к отпору, опешил.

— Нет.

— А как же тебя называть? — попробовал оправдаться прораб. — Ты ж не человек. У тебя паспорт есть? Нету. Ферштейн? Была б моя власть, я б вас, колхозных, за версту к себе не подпускал. С вами одна морока. То нельзя брать на работу, потому что нет документов, то можно в виде исключения, если объект далеко от места... Вот потому вы хоть и души, а всё мёртвые. Работаете, а ни в каких документах вас нету. Ферштейн?

— Ферштейн! — огрызнулся Ромась.

Они подошли к вбитому в землю двухметровому шесту, на кончике которого ветер полоскал кусок красной тряпки.

— Вот тут будет колодец. Для всяких там ремонтников. Ну, это тебе не надо. А вон там, — Макогоньч указал на дальний край леса, который быком выспирал на луг, — конец. Ну, не конец, а другой колодец. Потом — через речку дюкер... Это для тебя ни хит ферштейн! А дальше — уже в самую Европу... И в Америку.

Действительно, вдалеке, у самого конца луга, под лесом, поднятая на шест, алела такая же красная тряпка.

— Ширина — полметра. Глубина — метр десять. Ферштейн?.. Копай.

— Норма какая?

— Восемь метров в день. Устраивает?

— А сколько стоит эта норма? — спросил Ромась.

— Восемь целковых за погонный метр. Мало?

— Хватит, — ответил Литовка. — От этого дрючка начинать? — он взял заступ и воткнул его в землю рядом с шестом.

Но прораб отвлекся. Он внимательно смотрел в сторону будки. Там суетились новые люди.

— Ещё мёртвые души подвалили, — радостно сказал Макогоньч. — Начинай, а они — следом за тобой.

— Пусть они начинают, — Литовка узнал троих сельских мужиков. — А я опосля их.

Прораб повеселел, махнул рукой, соглашаясь, и, ничего не объясняя, быстрым шагом пошёл к вагончику.

«Их ждать — век кончится! — возмутился Ромась, глядя, как возле будки неспешно возился народ. — некогда мне с вами!»

Он постоял, соображая, отсчитал от шеста в направлении к дальнему флажку сорок шагов, которые, знал, равнялись тридцати двум метрам.

«Это для тех, какие пришли», — подумал Ромась.

Достал из сумки кол, забил его в землю и, привязав к нему пеньковый шнурок, отмерил ещё двадцать пять шагов. Вбил кол и натянул шнурок.

«Так будет лучше, — сказал он себе, озираясь на будку. — Пока эти работнички втроем выроят свои двадцать четыре — два дня пройдёт».

Черенком, на котором были сделаны затёсы, Роман отмерил ширину будущей траншеи и провёл лопатой линию, параллельную натянутому шнуру. Быстрыми ловкими движениями штыка взрыхлил землю, отрыл неглубокую ямку, чтобы поместить в нее язык совковой лопаты, и стал выбирать верхний слой земли.

— Здорова, Ромась, — окликнули его сзади. — Помогай тебе Бог.

— И вам пусть помогает, — ответил Литовка и оставил работу.

— Макогон велел от тебя начинать, — сказал крепкий, загорелый мужик Иван Каниюка, хата которого стояла напротив хаты Варвары через дорогу. — Моя соседка не сказала, что на канаву берут, а сразу до тебя побежала.

— А с тобой кто?

— Дед Харитон и Валька Рыбак.

— А с пасечником договорились?

— Пошёл он! — выругался Каниюка. — Если припрётся — я на нём лопату переломаю. Она все одно казённая, — он громко рассмеялся. — Норма знаешь якая? Шоб заработать два червонца, земли надо выкидать, як свежую могилу выкопать. Я уже посчитал.

— А чем рыть будешь?

— Сейчас дед Харитон лопаты принесёт.

- У тебя своей не было?
- Свою если переломишь – власть не вернёт, – резонно заметил Канюка. – А казённую и сломать не жалко... А ты зачем верёвку натянул?
- Чтобы прораб не упал в канаву, – отшутился Литовка и снова взялся за лопату. Часа через два, уже сделав половину нормы, Роман пошёл к вагончику попить воды. Проходя мимо Канюки и его бригадников, заметил, что те успели пройти три метра на глубину трех штыков. Сам Канюка и дед Харитон сидели в стороне и курили. А Валька Рыбак рыл. Потом он отложил лопату, а на его место встал Канюка.
- Ты бы нас до себя в бригаду взял, – сказал дед Харитон, обращаясь к идущему мимо Ромасю.
- Я за вами не поспею, – ответил Литовка. – Дюже быстро роете. Як голодные боровы...
- Кто из нас роет, как боров, так это ты, – засмеялся Канюка.

* * *

Гнали сельское стадо на полуденный отдых к реке. Коровы, наткнувшись на канаву, пробовали перепрыгнуть ее и сорвали шнур. Подождав, пока стадо пройдет, Роман взялся сматывать нитку в клубок и увидел, что со стороны реки от брода к ним идёт Серёжа. Литовка почувствовал какую-то неловкость.

«Чего удумала... Скажут, что я специально нанялся Варьке копать», – возмутился он и искоса посмотрел на сельских мужиков, ожидая с их стороны злых замечаний. Но те, глядя на мальчика, продолжали равнодушно лежать на горячей земле.

Серёжа шёл быстро, деловито, как будто боялся опоздать. Подойдя, он протянул Литовке узелок.

– Mamka сделали, – сказал он отрывисто. Отдал и уселся на бруствер с безразличным видом.

- Это чего? – спросил Ромась.
- Вы съешьте, а я пустую бутылку заберу... Чтоб завтра было куда наливать молоко.
- А мамка где? – спросил Литовка, развязывая концы белого платка. Там кроме бутылки молока лежали два большущих ломтя хлеба, пять варёных картошек в мундире, четыре зелёных луковичных хвоста и яйцо. В кусочек газеты были завернуты нож и соль.

- Mamka картошку кучить пошла.
  - А ты обедал уже?
- Мальчик промолчал.
- Ел сегодня, спрашиваю?
  - Утром цибулю с постным маслом... и солью.
  - Тогда будем обедать вместе.
  - Mamka наказали, чтоб я у вас ничего не брал, – последовал серьезный ответ.
  - Так я всё равно столько не съем. Для меня это много.
  - Нельзя. Mamka не дозволяли.
  - Да она и не узнает.
  - Я брехать не умею... потому что нельзя.
  - Брехать? Нельзя, нет, – согласился Ромась, растерявшись. И спросил: – Это мои харчи уже?

- Ваши.
- Я могу с ними делать чего хочу?
- А хоть выкиньте, – серьезно сказал Серёжа. – Токо бабушка говорили, что хлеб выкидать нельзя. Грех. Если не всё съедите, то я домой заберу. Завтра мамка даст вам новый, а этот я с цибулей доем.

– Раз это теперь мой обед, – улыбнулся Ромась, – то я с тобой им поделюсь. Как хозяин. Как будто это не ты принёс мне, а я – тебе, – он сел на бруствер рядом с мальчиком.

- Они тихо стали жевать, поочередно отхлебывая молоко из бутылки.
- Вона Юрка с Олькой идут, – сообщил Серёжа.
- По лугу шли двое детей, девочка и мальчик. Каждый нес по узелку.
- Капец тебе, дед, – сказал Канюка, узнав своего сына и дочку Рыбака. – Ромке чужой человек обед наладил, а тебе твоя старуха, видать, только привет передаёт.
- Я ей заказал сюда ходить, – деловито объяснил Харитон. Он оставил лопату и принялся тщательно вытирать руки о штанины, явно готовясь обедать. – Я погляжу ещё, кому приветы будем посылать! – и крикнул: – Ромась, а Ромась, ты к нам иди! Тут у нас веселей.

– Mamka сказали, шоб только вам харчи, – насупив брови, озабоченно сказал Се-

рёжа.

— Не могу, — ответил Литовка. — Мы уже всё съели.

— Жалко, — ответил старик.

Из вагончика вышел Макогоньч с тетрадкой в руке.

— Ну, сколько накопили, мёртвые души? — спросил он подходя к мужикам. — О, и закуска у вас добрая!

— Закуска добрая, а выпить нечего, — ответил Канюка.

— Зачем мы будем хорошего человека заbijать, — сказал старик. Он журавлиной походкой подошел к тому месту, где утром оставили вещи, и из-под кучи рубашек достал бутылку самогона. — Раз Ромка не желает с нами, то уважим начальство.

— Вот это дед, молодец! — весело воскликнул прораб и засуетился возле мужиков.

— А ты сказал, Васька, что моя баба с приветом, — засмеялся Харитон. — Ага. Она знает, як за мной ходить.

Они уселись кругом.

— Ромась, — позвал дед снова, — иди до нас.

— Не могу. Мне ещё в Павловку. Там погреб в школе.

— Куда это он? — недоуменно спросил прораб, глядя на то, как Литовка собирает инструмент.

— Та-а, — отмахнулся Канюка. — Ему копать — что нам семечки лузгать.

Харитон протянул кружку с самогоном Макогоньчу. Тот залпом выпил, вытер кулаком губы и вскочил.

— Ты куда это?! — громко спросил он Литовку.

— Завтра приду.

— Как это завтра? А норма? Ты норму сделал?

— Сделал, — ответил Роман. Отдал Серёже пустой узелок. — Скажи мамке, чтоб она не... Чтоб сперва тебе дала есть. Понял? — Погладил мальчонку по чёрной стриженной голове, взвалил на плечо лопаты и пошёл к лесу.

Макогоньч встал над канавой, вырытой Литовкой, окинул её взглядом, потом перемерил шагами и, озадаченно почесав лысую голову, поглядел вослед землекопу. Вернувшись к мужикам, он сел в круг, нервно моргая.

— Что случилось? — спросил дед Харитон, глядя на озабоченное, хмурое лицо прораба.

— Да так, — ответил Макогоньч, не находя слов, чтобы объяснить свою вдруг налетевшую тревогу. Пожал плечами загадочно и попросил: — Ну, мужики, еще по пятьдесят граммов наркомовских?.. — глаза прораба загорелись.

* * *

На следующее утро Литовка перебрался через брод рано, вместе с чередой. Солнце только-только выбивалось из-за вершин лесных сосен, а от реки, не успевшей остыть за ночь, шёл густой пар.

— Ты чего, как ранний птах? — спросил его пастух Афанасий, болезненного вида старик в тяжёлом брезентовом плаще и выгоревшей шапке-ушанке.

— Рано, когда не звано, — ответил Ромась, помогая деду выбраться на берег.

— Это завсегда правильно, — согласился Афанасий. — Ты, как погляжу, один на всю округу такой ранщик... А остальным ой как тяжко...

— Чего так?

— Остальной люд — поздники, получают от жизни одни тумачи.

— На тебя поглядишь — так ты самый ранний, — рассмеялся Ромась.

— Вы когда кладки ставить на реку будете? — спросил обеспокоенно старик. — Речка ледяная уже. Босиком не побегешь. Скотину как пасти?

— Рано еще, — ответил Литовка. — Вода как кипятки. Поставим на осень глядя...

Их разговор перебил громкий окрик — разрывая в клочья полотно реки, через брод перелетел на гнедом коне объездчик Степка, по прозвищу Сурчина, в пиджаке и в флотской фуражке. Напугав коров диким воплем, он выгнал коротконового коня на луг и помчался к лесу, не разбирая дороги. В позе, в которой он сидел в седле, действительно было что-то от толстого сурка, поджавшего к груди лапки.

— Чёрт бешеный! — вскрикнул напуганный Афанасий, натягивая битые парусиновые ботинки на босые ноги. Взмахнул кнутом и, разорвав воздух громким хлопком, закричал с надрывной злостью на ничем не провинившееся стадо: — А ну пошли, заразы!

Возле вагончика было тихо. У погасшего костра на полсти лежал Яшка Усик. Рядом с ним валялся пустой штоф и остатки вчерашнего ужина. А три смелых воробья трусливо клевали недоеденный кусочек хлеба.

На двери вагончика висел большой амбарный замок. Ромась заглянул за вагончик — трактора тоже не было.

«Не иначе, за водкой подались чуть свет», — решил он.

Походил возле будки, точно кого-то искал. Необъяснимая тревога, рождённая пустотой двора и сонным, словно впопыхах брошенным всеми, Яшкой, не позволяла идти работать. Литовка уселся у двери вагончика и стал смотреть на село, надеясь, что кто-то из мужиков появится на лугу. Так прошло полчаса, но никто не появился. И не дождав-шись, он побрёл на край траншеи.

Ромась работал уже часа два, когда его отвлек тяжёлый крик проснувшегося Усика.

— Ромка, ты один?!.. Ты сдурел! Никого ж нету!

Он вскочил на ноги, суетно огляделся, схватил кепку и, нервно дернув несколько раз за ручку закрытую дверь, испуганно побежал прочь, но не в село, а к лесу, где вдалеке паслось деревенское стадо.

А в полдень, прогоняя череду к реке на полуденный отстой, пастух Афанасий подо-шёл к Литовке и с укоризной спросил:

— Ты зачем побил Яшку?

— Не трогал его никто.

— А чего ж он, будто его шишимора куснула? — и не ожидая ответа, старик поплёл-ся за стадом.

Пришёл Сережа, принёс узелок.

— Мамка наказали, шоб вы прятались, — тихо сказал Серёжа.

— С чего это? — удивился Ромась.

— Сегодня утром по хатам ездил председатель и всем плугом грозил, — мальчик, жуя картошку с луком, нервно озирался на деревню. — Всё просо и картошку перепашет, если кто пойдут канаву копать. А Степку-объездчика послал в район за милицио-нерами.

«А я думал — чего это Сурчина точно на свадьбу вырядился?» — засмеялся про себя Ромась.

Собравшись, уложив в узелок пустую бутылку, Сережа попросил:

— Вы не копайте, если милиция придут.

— Скажи маме, пусть не переживает. Мою картошку и просо никто не запашет.

Пообедав, Роман собрался идти в Павловку. Он уже поднял лопаты и тут увидел бредущих от реки Макогоньча и сельских землекопов. Прораб что-то говорил и указы-вал рукой в сторону Литовки. Мужики же плелись следом с явной неохотой.

— Вот тебе подмогу привел, — крикнул прораб, подходя. Но в его голосе звучала напускная весёлость.

— Я уже своё выкопал, — ответил Литовка.

Макогоньч подошёл, пожал руку Ромасю, перемерил шагами вырытый за два дня кусок.

— М-да-а, — многозначительно произнес он и озадаченно предложил: — Ты, и вправ-ду, сходи в село погреб копать.

— А как же, — не заметив тревоги в голосе Макогоньча, ответил Литовка. — Меня люди там ждут.

— Я думал, что ты просто выкобениваешься, а люди про тебя брешут, — прораб записал что-то в свою тетрадь и торопливо ушёл в вагончик.

Возвращаясь поздним вечером из Павловки, Литовка ещё издали увидел пламя костра. Только теперь вокруг сидели Макогоньч, Яшка и тракторист Толька. Они громко о чём-то спорили. Ромась сделал круг и обошёл их стороной.

* * *

Очередное утро началось весело — к вагончику на бричке прикатил Сафрон-пасеч-ник. Стоя на двуколке, внимательно осмотрел весь фронт работ, потом спустился на землю и, стегая себя кнутовищем по голенищу, пошел к мужикам.

— Это кто вас сюда пустил?! — крикнул он, взобравшись на бруствер.

— Ты чего орёшь, как недорезанный? — спросил дед Харитон.

— Вы где должны быть?! Канюка, тебе задание дал объездчик?

— Раз он дал, то сам пусть и делает, — ответил Валька, выбрасывая очередную лопа-ту земли прямо на сапоги председателя.

— Чтоб я вас тут не видел! Все трудодни срежу! Перепашу все огороды! — кричал Сафрон и, увидев вышедшего из вагончика Макогоньча, набросился на него. — Кто тебе дал право тута колхозными людьми распоряжаться?! — кнут грозно резал воздух, разгоняя слова по сторонам. — У них своей работы в колхозе п?лно!

— Ты кто такой? — серьезно спросил прораб.

— На чужой земле!.. — не слыша вопроса, продолжал Сафрон, размахивая кнута-вищем перед лицом Макогоньча. — Это моя земля! Я — председатель здесь!

— Ты когда последний раз был в своем кабинете?

— Какое тебе дело до моего кабинета?!
— Беги быстро туда и читай. Там для тебя телеграмма.
— Чья такая телеграмма? — в глазах председателя вспыхнул безотчётный страх, словно под ногами вдруг зашевелилась земля.
— И если пошлешь ещё раз объездчика в район — я тебе и твоему холуйчику ноги повиыдергаю!
— Ты мне тут не угрожай!
— Я тебе не угрожаю, а предупреждаю. Я государственный телефон прокладываю. От самого Кремля в Америку. Ты про это знаешь?
— Мне наплювать! — крикнул Сафрон.
— Это на кого тебе наплевать? — ехидно спросил Макогонич, оскалив крепкие жёлтые зубы. — На Кремль? — было понятно, что все слова для такого случая у него давно припасены и заучены как «Отче наш» и он ими пользуется, как непобедимым оружием. — На Москву?
Но Матвей торопливо уселся в бричку и, стегнув жеребца, ускакал.
— В мою хату побежал, — заметил Харитон. — Ой, чего-то буить...
— За самогонкой? — удивился Макогонич.
— Телеграмму читать, — объяснил старик. — Моя бывшая хата, и вправду, как самогонка — всем нелюдям нравится. От самой коллехтивизации правление в ней куёвдится. А в войну немецкий штаб был. Она, почитай, на весь район одна железом и крытая.
— Значит, сейчас назад, — озабоченно сказал прораб.
— А тогда какая телеграмма?
Но Макогонич, не ответив, ушёл в вагончик.
Вместо председателя через час на канаву прибежал испуганный, запыхавшийся сынишка Канюки Юра. Он на бегу вытирал слёзы.
— Папа, идите быстрее до хаты! — крикнул он сквозь слёзы. — И дядько Валька!.. Председатель в двор плуг притащил! Мамка на него собаку спустила, так Сурчина её вилами заколол... — мальчик рыдал, не имея сил поднять опущенные безвольно руки, чтобы утереть слёзы. Крупные, они медленно стекали по щекам и падали на худую детскую грудь.
Канюка выскочил из траншеи, поднял рубашку и, подбежав к вагончику, крикнул:
— Макогон, ты про какую телеграмму говорил?!
— Из района должны были прислать, — ответил неуверенно прораб.
— Из района! Я тут тебе рою, а зимой с голоду пухнуть буду! — Василий схватил лопату, что стояла у дверей вагончика. — Валька, пошли! Убью пасечника!
— Стойте! — окрикнул Макогонич. — Лопату оставь! Зачем тебе грех? — схватил тетрадь, захлопнул дверь и побежал следом за мужиками. И уже на ходу пронзительно и призывно крикнул: — Литовка, чего застрял! Тебя не касается?! Поможешь!
У двора, привязанная вожжами к тыну, стояла председательская бричка, запряжённая вороним жеребцом. Рядом — сиротливая телега, из которой выпрягли лошадей. Вокруг собрались бабы и испуганно переглядывались. Увидев налитого злостью Канюку, молча расступились.
Во дворе в луже красно-чёрной кровавой грязи лежала рыжая собака, приколота к земле вилами. Канюка выдернул вилы и, обежав хлев, бросился на огород. Там пара лошадей уже тянула плуг по картошке, оставляя после себя широкий чёрный след, выворачивая на свет ещё не успевшие налиться, маленькие белые горошины молодой картошки. Лошадей под уздцы вёл Сурчина, а Яшка Усик, чтобы не свалиться с пьяных ног, крепко держался за ручки плуга. Сафрон-пасечник шагал впереди всех и громко подбадривал себя:
— Я вам покопаю, боровы! «И летели назем самураи!..» Нароетесь у меня! «Под напором стали и огня!»
Жена Канюки тихо плакала возле угла хлева, прижимая к себе грудную дочь.
— Боженько, за что ты нас?.. Немец такого не вытворял...
Канюка отшвырнул в сторону Яшку, который, упав, остался лежать на меже. Плуг свалился на бок, раскорячился и ударил ручкой по ноге лошадь. Та взбрыкнула и копытом саданула другую в живот. Обе вырвались из рук Степки и понесли, волоча за собой стальной нож. Плуг кувыркался, цепляя лошадей по ногам длинными ручками, перемазывал густые пряди начавшего желтеть проса...
Объездчик лихо помчался догонять коней и даже обогнал их...
Сафрон чудом успел отскочить в сторону, но увидев перед собой огромного Василия с вилами в руках, замаха кнутом и, пятясь, упал...
— Не смей на председателя!
— Ты собаку за што, паскуда! — свирепо рявкнул Канюка. — Ты эту картошку

садил, курва?! Всю жизнь токо до чужого у тебя халява¹ раскрытая!

— То Сурчина...

Василий занёс уже вилы над лежащим председателем, но в это время на его руках повисла жена.

— Василько, не губи нас! Пожалей, Василько!.. Собаку новую заведём...

Матвей пополз на четвереньках по меже, пытаясь поднять свое тяжёлое, грузное тело. Увидев входящего на огород Макогоныча, молодецки подскочил и, забежав за его спину, как за спасительную преграду, крикнул:

— Какую ещё телеграмму?! Про какую телеграмму?!

Макогоныч сунул под нос председателю листок бумаги.

— Ты что мне тычешь?!

— Читай, бугай нечищенный! — крикнул прораб. — На Колыму захотел?! Я тебя завтра в эмгэбу² сдам!

Матвей взял бумагу, долго елозил по ней взглядом, а потом, как перепуганный ребёнок, закричал, оправдываясь перед прорабом:

— Я не виноватый! Из района требуют! Запрещают! Пусть идут копать... Сам виноватый!.. Показал бы раньше!

— Завтра трактор подгоню! — не унимался Макогоныч. — Своим плугом весь твой огород выкорчую! Вместе с пчелами! Будешь шершней³ разводить!..

Яшка, получив крепкого пинка от Канюки, что-то промышчал в ответ, переполз через межу на соседний огород и остался лежать. Сафрон-пасечник быстро засеменял на улицу. Столкнувшись во дворе с Литовкой, он взмахнул кнутовищем, как саблей, и крикнул:

— Людей панталычишь! Выживу! Завтра с милицией!.. Хату заколотишь! — вскочил в бричку и ускакал.

Бабы вбежали во двор и с громкими радостными воплями бросились к хозяйке...

Мужики возвращались на канаву толпой. Впереди шёл Макогоныч, за ним — Канюка. Рядом семенили Юра и Серёжа, размахивая узелками с едой. Валька Рыбак с дедом Харитоном плелись чуть сзади. Пока Василий бился с властью, дед Харитон уже успел сбегать в свою хату и налить штоф.

— Если потянуть в район на суд, — хитро заметил старик, — Ромась — свидетель.

— Все пойдем, — согласился Литовка. — Я бы пасечника прибил!

— Так потому и не будит суда, что ты свидетель, — сказал дед.

— Это почему? — удивлённо спросил Макогоныч.

— Он — городской. С паспортом.

Когда пришли, Канюка раскинул полсть возле кострища и громко, командирским тоном приказал:

— Все к столу. И тебя, Ромка, касается! Как главного свидетеля.

* * *

Литовка вышел на луг уже при первых звёздах.

У вагончика жгли большой костер. Только на этот раз пламя вольно бушевало, стараясь лизнуть жаркими белыми языками далёкое небо.

В пламени на кусках проволоки жарилось мясо. Дед Харитон и Канюка лежали на полсти, в ожидании. Коля бегал в вагончик и назад.

— Перца возьми! — недовольно крикнул прораб вдогонку убежавшему трактористу. Он возился возле мяса.

— А где я его возьму?

— В столе, в стеклянной баночке... Только гляди, не присыпь! — и прораб гордо добавил: — Это у меня ещё с войны. Реквизировал у одной фрау... вместе с её дочкой... Ферштейн?... — и крикнул в сторону вагончика: — Всем кружки неси! И чай!.. В железной коробке... — увидев подошедшего Литовку, он обрадованно воскликнул, улыбаясь: — Ну и нюх у тебя, мёртвая душа! Мы тут утку жарим... Много выкопал?

Когда выпили, Макогоныч раздал всем по куску мяса.

— Я думал, что ты этого старого бугая убьёшь, — сказал прораб, глядя на Канюку.

— И убил бы, суку, — в ответ засмеялся Василий. — А мясо ты доброе зажарил, Макогоныч.

— Так то ж твоя утка, — сказал Харитон. — Як бы ты вилами не пугнул председателя, то мы б сейчас одной картошкой закусывали. А так твоя баба целую утку не пожалела заступничкам.

¹ Халява - здесь голенище.

² Эмгеба - здесь МГБ (Министерство государственной безопасности).

³ Шершень - шмель.

- Все весело засмеялись.
- Завтра Сафрон в район побежит, — боязливо предположил Канюка, — и на всех в милиции набрешет.
- Не побежит, — уверенно ответил Макогонич.
- А ты чего ему показал? — спросил дед Харитон.
- Документ... Ну... по пятьдесят грамм наркомовских...
- Долго чистили горячую картошку. Когда выпили ещё по одной, Канюка попросался.
- Оставайтесь до завтра, — сказал он. — Нинка меня ждёт. Она напуганная. Как бы у неё молоко не скипелось. Дитё малое... Не выкормим.
- Проводив взглядом Канюку, мужики снова заговорили.
- У тебя настоящая бумажка, Макогонич? — спросил дед.
- Белая... с печатью, — ответил прораб, не желая продолжать об этом разговор. — А ты, Роман, где так здорово копать научился?
- В армии, — ответил Литовка.
- Специальные курсы кончал. Как брать больше, а кидать дальше, — подначил дед Харитон. — От Сафрон-пасечник в том году тоже курсы председателей кончил. Два месяца зимой в районе сидел на казённых харчах. Его баба моей хвасталась дипломой. Марфа моя сказала, что там кругом одни удочки, точно Сафрон на рыбака учился. И токо по главному председательскому предмету очень хорошо.
- А какой же это предмет? — спросил Николай. — Я тоже курсы трактористов-бульдозерщиков кончил.
- Волам хвосты крутить, — ответил, смеясь, Харитон.
- Сдался вам председатель, — недовольно сказал Макогонич. — Колька, пятьдесят грамм наркомовских!.. — он выпил и не стал закусывать. — Если б ты у меня работал, Роман, я б никого не брал бы больше.
- А меня? — спросил, ухмыляясь, Николай.
- Тебя не возьми — ты у другого пропадёшь... Так где ты так научился, Роман?
- У начальника заставы детей из-под завала откопал, — немного смущаясь, ответил Ромась.
- Ну и? — настаивал прораб.
- Говори, — весело подсказал тракторист. — Макогонич если чужих баек не слушает за чаркой — не заснёт.
- Ну, чего... Возвращались с дозора. Идём, на полосу следовую глядим. И тут слышим, что-то как ухнет. И детский крик. Мой командир сразу насторожился. А кто-то впереди кричит. Ну, малое дитё. Подбежали. Впереди, знаем, карьерчик небольшой. Там всегда для заставы белый песок брали. На всякие торжественные дни дорожки посыпать для генералов и полковников... Подбежали. А на куче белого песка — девочка годков пять. Мы — к ней, а она ревёт и пальцем в песок тычет. Я догадался и спрашиваю: «Присыпало?! Кого?!» А она головой трясёт и в песок ручонками тычет. Мой командир приказал оставаться на месте, а сам погнал звонить. Чего звонить? До телефонной розетки, которая в дереве спрятана, километр бежать... Он побежал, а я... Схватил у девчухи той сапёрную лопатку и давай рыть. Слава Богу, что была сапёрная лопатка... И как-то быстро у меня всё вышло. Через минуту, а может, две я выкопал двоих. Нашего начальника заставы дети оказались. Ребятя втроём пошли в белом песке копать. А откуда дитю было знать, что белый этот песок подрывать нельзя — он сыпется, как зерно...
- Тебе отпуск дали за это? — спросил Макогонич.
- Давали. Десять суток. Да я не поехал. И зачем? Мать уже померла. А две недели в поезде нудиться туда, а потом — назад? Так лучше на заставе остаться.
- А начальник? — спросил дед Харитон. — Так и не премировал? Часы с какими-нибудь длинными словами подарил бы. Хоть какую поганенькую «Победу» или трофейный «Мозер». Все ж детей живыми достал...
- Премировал. Его тесть на заводе в Комсомольске работал. Он мне заступ добрый склепал, — Литовка протянул руку в темноту и вытянул на свет лопату с большим блестящим штыком. — Вот... И на сверхсрочную уговаривал.
- А чего не остался? — спросил с укоризной Макогонич.
- Чтoб хорошим макаронником¹ быть, надо научиться на людей крепко гавкать, — ответил Литовка. — И ещё приказал, когда я на дембель уходил, чтоб сразу не ехал домой с военным билетом, а здесь сначала на работу пристроился. Я в кочегарке три месяца уголь кидал.
- А это почему? — спросил Николай.

¹ Макаронник - в Советской армии сверхсрочник на должности ротного старшины (жарг.).

— Чтобы паспорт выдали, — объяснил Макогоныч. — Если бы с одним военным билетом вернулся — сегодня с вилами на председателя, как на медведя, бы пошёл... Ну, ещё пятьдесят грамм наркомовских! За погра-аничника!

Допив и доев, Ромась и дед Харитон тихо ушли. Они долго стояли на высоком берегу. Литовка смотрел на дальний край села, надеясь, что в этот поздний час вдруг блеснёт огонёк в заветном окне. Старик не спеша наматывал портянки.

- Слышь, Ромка, — сказал он, когда пошли по тропе. — Макогон на тебя дуется.
- С чего это?
- Очень быстро копаешь.
- Так я ж только до обеда, — оправдался Литовка.
- И всё равно быстро. Ты меньше бери.
- Так лопата такая.
- Возьми другую. Сапёрную.
- Так неудобно. И оно само выходит...
- Иди к нам в артель тогда. Гуртом будет как раз... И тебе, и нам.

* * *

Выбросив последнюю лопату земли и швырнув следом инструмент, Литовка выбрался по лестнице из ямы. Первая звезда уже вспыхнула, но небосвод был ещё светел. Получив от директора школы деньги, Ромась пошёл назад в село, надеясь, что успеет к Варваре ещё засветло. Но ночь накатила быстро, и из леса он вышел уже на ночной луг. Здесь всё было знакомо и привычно: переговаривались ночные трескуны кузнечики, у вагончика кто-то жёг костёр и на небе неподвижно висели всё те же знакомые яркие звезды. Только луна зачем-то выплыла из-за леса раньше своего времени и пылала холодным огнем ярче обычного. Ромась сделал большой круг, убегая от вагончика, и, подходя к броду, молил Бога, чтобы никто не встретился ему на пути. Перебравшись через реку, разделся догола. Нащупал в кармане штанов кусок директорского мыла, намылился основательно, с прибрежного краснотала надёргал тонких молодых веток и принялся тереть ими мокрое тело. Вытереться было нечем. Он поднялся на высокий берег, подставил себя лёгкому, но жаркому ночному ветру.

Каждый вечер, возвращаясь из Павловки, перебравшись через реку, Ромась оставался на высоком берегу и подолгу смотрел на тлеющие вдалеке огоньки в окнах Варькиной хаты. Ему хотелось побежать туда, сказать этой женщине, что все годы, пока служил, думал только о ней. И когда он уже был готов сделать самый решительный шаг и идти на призывный свет далёких огней, как в тот же миг вдруг темнота начинала светиться множеством злых, больно кусающих глаз и скрипучие голоса, похожие на голоса односельчан, злорадно смеясь, повторяли: «Она ж за другого пошла!.. А ты бежишь кланяться!» И под надзором этого хора, воющего, кусающегося, Ромась плёлся к Татьяне.

Но так было вчера, позавчера и третьего дня.

А сейчас он держал в руках спасительные деньги.

«Я обещал!» — сказал себе Роман и решительно шагнул на тропинку, уходившую в другой конец села.

Он шёл, не глядя по сторонам, стараясь отогнать от себя всё те же, злые, кусающие глаза. Кто-то из ночных бесов даже пробовал забежать вперед по тропинке, напугать холодным собачьим огнём, больно укусить. Но увидев перед собой занесенную ногу уверенно идущего человека, трусливо исчезал в чёрной высокой стене кукурузы...

Ромась не заметил, как вышел к последней хате. Остановился у тына и заглянул через него. В пустом дворе властвовала лунная успокоенная дрёма... И вдруг у самых ног со злобой надрывно тьякнула напуганная собака. От неожиданности Литовку пронизал болезненный испуг, сердце оторвалось и вылетело из груди прочь. Дыхание сбилось.

— Я несу деньги... что обещал, — сказал он собачонке, вошёл во двор, поставил у стены лопаты и резко постучал в окошко.

За чуть рдеющими стеклами метнулась тень. Лязгнула щеколда со звоном и глухо ударила внутренняя дверь.

— Роман?!

Литовка растерялся. Ему вновь почудилось, что чужие злые глаза смотрят на него из темноты, точно заранее сговорились с Варварой, чтобы всем вместе злорадно поселиться...

Дверь отворилась. Луна, высившаяся над пустым двором и высвечивавшая белую стену хаты, вдруг облила серебром стройную фигуру женщины в белой блузке с распущенными волосами, что чёрным ручьём падали на грудь.

«Я деньги принёс», — хотел сказать Ромась, но слова застряли в пересохшем горле.

Варвара широко отворила дверь в хату и тронула Романа за плечо.

— Тут притолока низкая, — предупредила она весело. — Не забыл?

И после этих слов к Ромасю вернулось сердце. Все чужие злобные глаза, которые хотели пролезть в хату следом за ним, вдруг трусливо разбежались, прихватив с собой тяжесть его души.

— Помню, — улыбнулся он в ответ.

А в хате, внутри четырёх стен под низким потолком, за шесть лет так ничего и не изменилось. Выбеленная печь, всё та же широкая лежанка, чёрная площадка стола на косых ножках, длинная лавка вдоль стены с двумя маленькими окошками. На подоконниках — два массивных горшка с красной геранью. Керосиновая лампа, что висела на стене между окон, отбрасывала тусклый желтоватый свет на глиняный пол и на постель — большую кучу соломы на полу в дальнем углу, покрытую одеялом, стеганным из разноцветных лоскутков, обливая ее такой же блеклой невыразительной желтоватой кисеёй.

— Ты — голодный, — утвердительно сказала Варвара. Добавила в лампе огня. Сорвала со стола широкий длинный рушник. — Вареники с картошкой... Только сала не было на заправку... Так я три больших цибули зажарила. И молоко... Садись.

Хозяйка подошла к печи, вытащила заслонку и бросила в топку пучок соломы.

— Ты чего надумала на ночь глядя? — спросил Ромась.

— Сегодня из-под курки пять яиц взяла... Зажарю.

— Не надо. Мне и вареников хватит.

— Так они холодные.

— Я люблю такие.

Варвара вернулась к столу, пододвинула к гостю полную миску вареников и чашку с молоком. Положила рядом деревянную ложку. Сама уселась напротив и, подперев голову ладонями, принялась смотреть на Ромася радостными глазами, не моргая.

Литовка жевал вареник и старался не смотреть на Варвару. Был рад, что лампа висит за спиной, освещает лицо женщины и скрывает его щёки, покрасневшие, как чувствовал, под её взглядом.

— А кто тебе сказал, что я приду? — спросил он, поднимая вареник ложкой.

— Никто, — ответила Варвара. — Я ждала тебя...

— А я вот тебе... — Ромась отложил ложку, вынул из кармана деньги, отсчитал две тысячи и положил на стол. От волнения и напряжения у него почему-то задрожали пальцы, снова пересохло во рту и свело скулы. Желваки хрустнули громко. — Вам денег принёс... — он сейчас молил Бога, чтобы Варвара не сказала: «Спасибо... Я отработаю...» — А это, — зачем-то стал объяснять смущённо Ромась, пряча остаток в карман, — куда ещё пригодятся... Может, потом...

— Так ты подождешь уже до осени? — спросила женщина. — Я зерно тебе от трудней...

— Если оно будет. Пасечник насчитает не больше десяти вёдер. И до марта не хватит... — Литовка пододвинул деньги к Варьке. — Спрячь.

Ему вдруг захотелось есть. Он проглотил поддюжины вареников и принялся запивать молоком.

Варвара взяла деньги боязно. И по тому, как осторожно держала их, было видно, что ещё не верит, что эти бумажки принесли ей.

— Это так на канаве?.. — удивившись, спросила хозяйка. Она хотела сказать, что на рытье канавы много платят, но осеклась и добавила: — Быстро выдают. Еще только неделя прошла. А Нинка Канючиха ничего не сказала, что Василю деньги заплатили.

— Директор школы заплатил, — сказал Ромась, вытирая губы пальцами. — За погреб для учителей... На канаве ещё нескоро дадут... Прораб сказал, что будут платить один раз на месяц, как военным. Ну, я пойду... Пора...

Поднялся, поднял с лавки картуз и шагнул к двери.

— Ой! Постой, — остановила его Варвара. — Я с тобой выйду...

Набросила на себя кофту и загасила лампу...

Они возвращались уже после первых петухов. Луна скатилась почти к самой земле. Её серебряный диск немного поблёк, но все ещё сеял белый живой свет на реку, поле и село, высвечивая дорогу домой.

— Я же два раза бегала тебя встречать, — вдруг призналась Варвара, прижимаясь к руке и плечу Романа. — По морозу на большак... Среди ночи... Приснилось, что ты идёшь из района... Что тебя не взяли в армию... А другой раз — это Серёжа только-только родился — привиделось, точно тебя засыпало белым песком... у нас за лесом. И ты меня зовёшь. Я сорвалась, добежала до леса... Так где ж у нас белый песок?..

У Варькиного огорода их встретила та самая собака, которая своим лаем вырвала

сердце у Романа. Она радостно завилала хвостом и побежала во двор, указывая путь, будто боялась, что её хозяйка и новый хозяин без неё обязательно заплутают...

Ромась лежал и слушал, как успокоенно возле него дышит Варвара. Ему вдруг вспомнилась громкоголосая повариха Аглая — смешливая молодушка, в непрерывном шумном веселье ожидавшая жениха с флота и предлагавшая сержанту Литовке жениться. Обещала роскошную «житовуху», потому что у неё отец работает кладовщиком в «Копцентре», а в доме было радио «Telefunken» на батареях и большой, с клавишами как у рояля, трофейный аккордеон...

Он посмотрел в окно, на стекле которого лунное серебро сменялось причудливыми тенями, и подумал: как счастливо случилось, что не пошёл сверхсрочником на заставу, не позарился на «Telefunken», не остался кочегаром при котельной в большом поселке Семеновке¹, что улиткой приклеился к железнодорожному полотну на Хабаровск...

«Слава Богу, есть где-то Америка, — подумал Роман, — и кому-то надо с ней разговаривать...»

...Луна, уплывая к горизонту, заглянула в окно. Её свет выхватил груды соломы, лоскутное одеяло и две пары сплетённых рук...

* * *

Утром Варвара принесла молоко в подойнике, долго цедила его. Разлила по крынкам. Потом принялась возиться у печи.

— А сколько уже времени? — спросил Литовка, разбуженный неловким стуком рогача.

— Уже корова давно в очереди... По солнцу — восьмой.

— Проспал! — Роман вскочил и суетно оделся.

— Чего проспал?

— На канаве уже нужно быть.

— Так сегодня ж выходной.

— У Макогоныча не бывает воскресений, — Литовка запихнул вареник в рот. — Ты мне налей молока с собой... чтоб Серёжку не гонять.

Он взял лопаты и заспешил к броду. Придя на берег, осмотрел луг за рекой. Пятачок возле вагончика пустовал — Колька угнал куда-то трактор. Лишь вдали, у самого леса, паслось сельское стадо, да на шесте у начала канавы из последних сил отбивалась от наглых порывов ветра красная тряпка.

«День пропал, — подумал Роман. Бросил лопаты на траву, уселся на край, опустив ноги с обрыва. — И солнца как раз нету... Как хорошо было б копать...»

Вся округа затягивалась серой пеленой. Ветер нагонял грязь на небо, сквозь которую утренние лучи пробивались с большим трудом. Река морщилась. Пара береговушек, упав к воде, лениво прочертила круг над водой и скрылась в береговых дырах.

«Куда это Макогоныч подевался, черти б его драли?! — Литовка поднял лопаты и пошёл назад. — Деду Афоньке и его коровам хорошо. Никаких выходных... Работай в свое удовольствие...»

Во дворе на рогачах висел чугунный котел, а под ним горел огонь.

— Ну, слава Богу! — воскликнула Варвара. — Скидай... Постираю, — она уверенно сорвала с Романа косоворотку, бросила ее в котёл. Торопливо взялась за ремень на штанах и смущённо опустила руки. Ушла в хату. Вернувшись, позвала: — Иди. Я одёжу чистую положила.

На лавке лежали серая рубаха, белые подштанники и коричневые брюки в тонкую белую полосочку.

«От Павла одёжка, — подумал он. — Дожился я...»

Но Варвара, угадав смущение Романа, сказала:

— Может, не подойдёт, так перешью... Батько очень Андрея ждал с войны... Выменивал для него... — и протянула руку, требуя у Романа его штаны.

Натянув подштанники, Литовка надел брюки. Они пришлись впору. Он вспомнил, что Андрей, брат Варвары, был парень крепкий, широкий в кости, но не очень высокий.

«Какая разница? — согласился Ромась. — Не ходить же голым».

И, выйдя во двор, спросил:

— Грабли где?

— Зачем? — спросила Варька, помешивая палкой варево.

— Пойду в лес за хвоей.

— Посидел бы...

¹ Ныне - город Арсеньев.

— Некогда сидеть, — ответил Роман. — Завтра уже не будет времени.
— Серёжа! — позвала Варвара сына. — Принеси... — она осеклась, не зная, кем называть Литовку. — Принеси рядно¹, с которым за иголками ходим. И грабли из хлева. Мальчик вынырнул откуда-то, юркнул в открытую дверь хаты и вынес свернутую ряднину.
— Я тоже в лес, — требовательно сказал он, вынося из хлева деревянные грабли.
— Рубаху надень только, — скомандовал Роман.
У реки Литовка подхватил парня под мышку и перенёс через реку.
— Я сам! — Мальчик стал отбиваться, размахивая руками.
— Назад будем идти, тогда — сам.
Насупив недовольно брови, Серёжа брёл следом за Литовкой, а тот старался идти медленно, чтобы паренёк не отставал.
Вдруг Серёжа забежал вперёд и, задрвав голову, чтобы видеть глаза Романа, спросил:
— А вы теперь будете жить в нашей хате?
Литовка вздрогнул и сразу не нашёлся, что ответить. И только пройдя дюжину шагов, спросил:
— А можно у вас жить?
— Я у мамы спрошу. И вы спросите. Только обязательно спросите.
Когда вошли в лес, Ромась предупредил:
— Гляди, осторожно ходи. Ноги наколешь на шишках.
— А вы не бойтесь босиком ходить?
— Я привык, — взял грабли и принялся сгребать в кучи опавшую жёлтую хвою. — Ты постой. Я быстро.
Нагрузившись, он взвалил тяжелую ряднину с хвоей за спину, пошёл из леса. Подойдя к мальчику, отдал ему грабли.
— Неси.
— А сколько надо прожить дней, чтоб привыкнуть?
— Дней? — озадачено спросил Роман. — До чего привыкнуть?
— Ходить по шишкам? — мальчик положил грабли на землю и показал Литовке растрепанные ладони. На них только один палец был чистым, остальные — измазаны чем-то чёрным. — Я к вам вот сколько дней молоко ношу. И уже привык к вам.
— А как же ты запомнил?
— Я палец каждый день в деготь мажу.
— А когда пальцы кончатся?
Серёжа задумался. Поднял грабли и пошел вперед. Когда прошли середину луга, он вдруг остановился, обернулся к Роману и воскликнул радостно:
— А я зубы на граблях мазать буду!
Литовка улыбнулся в ответ:
— Давай быстрее шагать. Дождём пахнет... Н(волочь крепкая. Промокнем — мама нас ругать станет.
— Нет, — уверенно сказал Серёжа.
— Почему?
— Она не может ругаться.
— А кто может?
— Дядько Валька и председатель... И Сурчина.
— А тебя мама ругает?
— Когда надо ругать — она молчит, — и, повернувшись к Роману, доверительно предупредил: — Только вы бойтесь, когда она сильно молчит.
Литовка перенёс груз и хотел вернуться за мальчиком. Но тот уже был в воде. Он смело шагал, держа над головой штаны и грабли.
Одеваясь, Серёжа сосредоточенно о чём-то думал, морща лоб.
— Если б вы остались в нашей хате... — сказал он, всё ещё сомневаясь, стоит ли делиться мыслями с Романом, — мы б наловили птиц.
— А почему птиц?
— Зимой они по-городскому поют.
— Откуда знаешь?
— Мамка говорили. Там, где она ходят в город, есть жёлтые птицы, которые в клетке живут... Мы б с вами наловили. Из лозы клетку сплели, как для кролей у деда Харитона. И у нас было б, как в городе.
— Хорошо, наловим, — согласился Ромась. — Только где же нам сеть взять?
Мальчик с тревогой посмотрел на Литовку. В его взгляде высветилась вся бессмыс-

¹ Рядно - полсть размером 2 на 2 метра.

ленность его будущей жизни. Он впервые слышал о сети и не мог представить, что это за диковинка. Губы искривились, а глаза наполнились влагой. Он попробовал удержаться от накатившихся слёз, но не смог. Взял грабли и поволол их с безразличием, растирая кулачком глаза. Плечи его вздрагивали, а острый конец длинного черенка оставлял на песке кривую рваную бороздку.

— Ладно, — успокоил Ромась. — Мы с тобой сеть сплетём. Наловим воробьёв...

— Не-э! — требовательно возмутился Серёжа сквозь слёзы. — Воробьев не надо. Они все у нас в селе живут. Мы вчера их с Ильёй Верещагой палками били... на обед. А надо тех птиц, которые в городе...

— Наловим и тех, которые в городе.

Мальчик бодро подпрыгнул и уже веселый побежал по тропинке, унося с собой радостную надежду.

Вдруг что-то зашумело вдали. Шум быстро приблизился, накрыл дождём Литовку и погнался за мальчуганом...

* * *

Дождь был коротким, но разгульным. Литовка и Серёжа заявили во двор совершенно вымокшими.

— Господи, я уже думала, что вы утопи, — сказала Варвара. — Новые штаны!.. Теперь до утра будешь в подштанниках сидеть... А ты, Сергей, лезь на печь греться...

— Я не замёрз...

— Штаны скинешь — сразу замёрзнешь... Обедать будем?

— А чего сегодня? — спросил мальчик, карабкаясь на печь.

— Вчерашние вареники. Ты любишь вчерашние вареники? — спросила мать.

Мальчик промолчал. Он долго возился на печи, шурша соломой.

Варвара достала глубокую глиняную миску из топки, поставила на стол.

Ели молча. Серёжа стоял на коленях на лавке, положив локоть на стол. Достав вареник, откусив от него кусочек, долго жевал. И жуя, бросал на Литовку дрожащие взгляды из-под насупленных тоненьких бровей, точно ждал от него чего-то. Взрослые ели, переглядываясь между собой, и не обращали внимания на мальчика. Не доев второго вареника, Сережа не выдержал и спросил у матери:

— Можно, чтоб дядя Роман жили в нашей хате?..

Во дворе залаяла собака. В дверь громко и настойчиво забарабанили.

— Кого это несёт? — спросила Варвара и пошла в сени.

— Ты что это удумала! — раздался из сеней голос. — Чужого мужа привадила, зараза!

В хату вбежала Татьяна и, увидев Ромась в одних подштанниках, выкрикнула с испуганной оторопью:

— Люди не сбrehали! Ты чего это без штанов?! — всплеснула она.

За ней следом вошла Варвара. Взялась за рогач и полезла в печь, не обращая, казалось, внимания на гостью.

— Ты зачем пришла? — спросил Роман.

— Как это? За тобой! Люди уже брешут по селу.

— А ты штаны принесла? — спросила Варвара.

— Чьи штаны?

— Мужнины...

— А откуда у меня штаны его?

— Так какая ты жена, если у тебя для мужа даже штанов нету? — спросила Варвара.

— Обедать с нами будешь?

Татьяна растерялась.

— Иди домой, Танька, — сказал Роман. — Не пойду я до тебя больше.

— Как в школе денег ему дали, так ты сразу его до себя заманила! — закричала Татьяна на хозяйку. — У меня спал и жрал, а деньги — тебе, заразе!

— Ты чего в чужой хате ругаешься? — Варвара поставила на стол горшок, оставила ухват. — Хочешь есть — садись. Не хочешь — ходи здорова...

— Ты мне зубы за мои деньги не заговаривай! Отдавай назад!

— Я тебе должна? — серьезно спросила Варвара. Положила на стол деревянную ложку, приглашая тем самым гостью обедать.

— Что ты мне должна?! Что?! Лярва асхвальтная! Что взяла, то и возвертай!

Варвара сняла передник, вытерла им руки, бросила на стол и, подойдя к печи, взялась за чаплинник¹. Движения её стали тяжёлыми, неловкими. Губы сжались и посинели.

¹ Чаплинник — палка с Г-образным наконечником, которая служит для посадки и выемки сковороды в русской печи.

Серёжа вдруг слетел с лавки, подбежал к матери, уцепился за юбку и закричал:

— Мама, мама, только не молчите сильно!

Роман поднялся и встал между женщинами.

— Ты, Танька, иди от греха. Я к тебе никогда больше не приду... От если погреб надо будет выкидать... — он поднял с лежанки сушившиеся брюки, достал из кармана две сотенные бумажки, протянул их Татьяне. И почувствовал облегчение, как будто вместе с деньгами из души ушла последняя гнетущая тяжесть. Показалось, что он вдруг выбрался из смрадного подполья на яркое солнце. — Я на больше не наел...

— Так иди и копай! — Татьяна схватила деньги и скрылась в сенях.

Со двора её громким лаем проводила собака...

* * *

Вечеру заходящее солнце, пробившись сквозь плотные облака, залило двор кровавой краской. Косые лучи разрисовали глиняный пол и стену в хате большими красными пятнами, которые, казалось, горели изнутри.

— Завтра уже хорошая погода, — сказал Роман. — Можно будет метров двадцать вымахать.

— Я с вами пойду, — заявил Серёжа.

— Не дорос ещё, — остановила сына мать.

— Пойду! — буркнул под нос себе мальчик.

— Ты лучше молоко носи, — попросил Роман. — Для тебя и лопаты нету маленькой...

На дворе кого-то встретила залиvistым лаем собака. В дверь осторожно постучали. Варвара глянула на Ромаса вопросительно и, засмеявшись, сказала:

— Наверно, мало дал Таньке, — и пошла в сени.

Она вернулась смущённая, пропуская в хату полную женщину в белой косынке и цветастой розовой блузке. В руке гостя держала узелок, из которого торчало горлышко бутылки, заткнутое коротким кукурузным початком.

— Я до Романа Кондратовича... — объяснила женщина, глядя на Варвару. — Люди добрые сказали — у крайнюю хату, — она сделала шаг, положила узелок на лавку и отступила к двери. — Мне погреб выкидать... Я — из Калачков. Мы за большаком пять километров...

— Знаем, — ответил Литовка. — Не могу. Работы много. Канавы как закончатся — тогда уже.

— Так когда ж она кончится? — болезненно воскликнула гостя. — Люди болтали — аж до самой Америки копать будут. Это сколько годов? Война меньше была.

— Ты, тётка, приходи через месяц, — сказал Роман и пододвинул на край лавки узелок.

Когда женщина ушла, Варвара спросила:

— Почему не согласился?

— На канаве хорошо заплатят. Как в городе... — и засмеявшись весело, добавил: — А брехня про нас уже из села на большак высклизнула...

* * *

Макогоныч ночевал в селе и появился возле будки в сопровождении тракториста. Вид у прораба был мятый, топтанный — лицо хмурое, под глазами набухли тёмные мешки, похожие на насосавшихся пиявок. Он с трудом влез в дверь, закрылся и через несколько минут появился уже по пояс голый.

— Литовка! — позвал он. — Литовка есть сегодня?!

— Есть — ответил тихий голос из-за будки.

— А чего это ты не работаешь?! — крикнул прораб.

— Ломик ишу. Лопата не берёт. Камушки попались. А лучше — кирочку.

— Ты уже начал копать?

— Самую малость. А тут камушки попались.

— Сколько это — самую малость? Яму под нужник?

— Только полшага.

— Верёвку натянул?

— А как без неё.

— Пойди сыми... Вообще, подожди. Я не могу так соображать, — Макогоныч вернулся в вагончик, залез под стол и вытащил оттуда полбутылки самогонки. Выдернул газетную пробку, сделал два больших глотка, вытер губы тыльной стороной ладони. — Шальные собаки бухгалтерские!.. В общем, сам наделал — сам и выкручивайся.

— Чего случилось? — удивленно спросил Ромась. — Опять Сафрон вас забирает?

— Ты и обижаешь, мёртвая душа. У тебя сегодня нет никакой халтуры?

- Я халтурить не умею. Я всё по-честному, — обиделся Роман.
- Ну, кому там погреб выкидать?
- Просила тут одна тётка...
- А если я попрошу тебя?
- Вы ж далеко живёте. К вам, наверно, неделю ехать надо?
- Я про другое, мёртвая душа, — уже придя в себя несколько, объяснил Макогонич. — Комиссия припёрлась вчера. Проверять, кто сколько за день роет. Ферштейн? Сейчас придут к нам. И всё из-за тебя! Рыл бы как нормальный человек... Выроешь для комиссии две нормы? Сделаешь?
- А ей зачем?
- Не ей, а — мне.
- Сделаю... Вот кирочку бы.
- Я тебе и кирку дам, только сделай, — не веря словам Литовки, снова попросил прораб. — Чтоб они увидели своими глазами, что это не я и никто другой роет, а только ты один.
- А кто ж за меня?
- Вот ты и покажи, мёртвая душа, что это именно ты копаешь, а не кто-то с тобой. Не верят там, в тресте, — Макогонич указал пальцем в потолок будки, — что один человек может выкопать сразу пятнадцать метров в день. Я им говорю — может! А они — не может! И говорят — приписываю. Ферштейн?
- Что выдумали! — возмутился Ромась.
- Не выдумали! — уже возмутился Макогонич и заговорил быстро, стараясь доходчивее объяснить: — Все роют восемь, как по норме. От силы — десять метров. А ты — четырнадцать!
- Завсегда — шестнадцать, — недовольно напомнил Ромась. — У меня всё записано.
- Записано, записано, — раздраженно повторил прораб. — Деньги, которые вы заработали, на нас с Колькой выписаны...
- Как же это? — с тревогой спросил Литовка.
- Не имеем мы права людям без паспортов платить деньги. Ну, как это можно заплатить деньги человеку, которого нету? Ферштейн? Паспорта нету — ты как вроде не человек... Тело есть, а души нету... Вы все — мёртвые души. Ферштейн?
- Я не мёртвый. У меня паспорт имеется! — не унимался Роман.
- Что у тебя есть паспорт, тут уже каждая собака знает! — возмутился прораб. — Да я не про то! Я про выработку. Не может человек сделать больше, чем ему положено!
- Так вы ж записали, кто сколько нарыл. Как записано — так пусть и платят.
- Как в наряде записано, так и будем всем платить... Тебе триста-четырееста, а другим по сто пятьдесят. Сколько накопили. Ферштейн? Только в тресте не верят, что может один человек накопать столько...
- Пусть идут и глядят.
- Вот они и пришли поглядеть... Так ты постарайся, сделай.
- А больше можно?
- Давай больше! — радостно согласился прораб. — Но только при комиссии. Сделаешь?
- Так точно! Вот только мне бы кирочку. А то ломиком очень неудобно. Камушки там попались.
- Будет тебе кирочка, — Макогонич суетно пошарил в карманах штанов, выудил связку ключей, щёлкнул замком на боку ящика, на котором лежала небубранная скотканная постель, и поднял крышку.
- Фю-у... Вот это скарб! — с присвистом, восхищённо воскликнул Ромась. — От это сундук...
- На дне ящика спрятались новенькие штыковые лопаты и кирки, завернутые в промасленную бумагу. Поверх них лежала большая стопка новых брезентовых рукавиц. А в углу сиротливо стояли три пары грубых кожаных ботинок на толстой подошве, союзки у которых были пробиты блестящими стальными заклёпками.
- Выбери, — предложил Макогонич.
- А это можно? — Литовка указал на ботинки.
- Бери. Сделаешь двадцать для комиссии — подарю.
- Зачем? Я и купить могу. Она уже почти на три тыщи наработал за двадцать дней.
- Дюже ты быстро считать научился, — прораб глянул в окно. — Бери ботинки быстрее и беги на канаву. Идут, шакалы!..
- По дороге, которая тянулась от села через единственный дальний мосток, шли три человека. Двое в светло-серых френчах, чёрных брюках, заправленных с напуском в хромовые сапоги, и полувоенных фуражках. За ними тяжело поспедал грузный старик

в белой вышитой сорочке, подпоясанный тонким кожаными шнурком, что поддерживал большой живот, который норовил упасть на землю. На голове гнездилась соломенная широкополая шляпа, а в руке болтался серый парусиновый портфель.

Макогоныч набросил рубашку и выскочил гостям навстречу.

«Хорошо быть начальством... — подумал Ромась, выходя следом за прорабом. — На работу — когда вздумается... А ботинки свиные, добрые... От если бы какой генерал телефонный приехал до нас, то Макогоныч и сапог новых не пожалел бы...»

Он повесил обувь на плечо — забросив один ботинок за спину — и, размахивая киркой как маятником, пошел к тому месту на канаве, где оставил свои лопаты.

Появление людей во френчах вызвало у мужиков беспокойство. Побросали лопаты и, усевшись на бруствер, стали в полголоса строить догадки: к добру ли такой визит? Тревогу рождало и поведение прораба, который бегал вокруг френчей, как провинившийся щенок, непрерывно размахивая руками, указывая в сторону землекопов.

— Эй, Ромась! — окликнул Канюка, когда Литовка поравнялся с ним. — Какие-то баскаки прибежали? Сдаётся — дюже знакомые. Когда яблоны и груши налогом обладывали, такие самые приезжали.

— Не бойся. Эта комиссия до меня... мерять, — ответил Литовка. — Выработку вымерять будут.

— Так ты, гляди, не сильно махай, а то расценки всем пообрезают. И будем, как те иуды, — сказал дед Харитон. И увидев ботинки, добавил: — А обувь они дали?

— Не дали, а я купил у Макогоныча, — сообщил Литовка. — Он просил восемнадцать метров сделать для комиссии.

— А ты, дурень, и согласился, — сказал Рыбак.

— Я не согласился, а как выйдет.

— Знаем мы, как у тебя выходит, — недовольно заметил Канюка. — Ботинки за так не продают.

— Теперь будем рыться, — сказал дед Харитон, — что те кроты, а денег — шиш! Надо и нам за ботинками идти. Ромась... что — особый? Если ему дали — и нам обязанные.

— Хрен тебе большой и толстый дадут, дед, а не ботинки, — громко рассмеялся Валька Рыбак и, отложив лопату, стал с интересом смотреть на людей во френчах.

Френчи медленно шли вдоль траншеи, изредка заглядывая в неё. Впереди, жестикулируя, тяжело вышагивал Макогоныч, что-то объясняя. Старик же нёс свои восемь пудов прямо по брустверу, ссыпая на дно канавы потоки глины и песка.

— Мелко? — спросил Канюка, когда старик заглянул на дно канавы через его могучие плечи, как через плетень.

Но дедок только кивнул головой, словно отогнал слепня. Обминул землекопа, точно преграду, присел и, взяв комок земли, принялся мять ее.

— Давай, дедуля, я тебе у портфель один заступ закину, — сказал Рыбак.

Но старик только поправил шляпу и поплёлся догонять френчи.

Роман, увидев, что гости направляются к нему, не спеша, демонстративно стал долбить землю киркой, стараясь загонять жало как можно глубже. Затем в образовавшуюся дырку забил кол и, привязав к нему веревку, пошёл отсчитывать метры.

— Литовка! — крикнул Макогоныч, поманив рукой. — Иди сюда! — и, когда Ромась подошёл, пояснил: — Вот товарищи из треста... Хотят поглядеть, как ты копаешь. Сколько за день сделаешь?

— А сколько надо? — Ромась окинул хитрым взглядом гостей.

— Шестнадцать за день? — предположил один.

— За весь день и больше можна.

Гости вопросительно посмотрели на прораба и переглянулись.

— Только шнурок натяни обязательно, — деланно попросил Макогоныч.

— А шнурок зачем? — искренно удивился один из френчей.

— По шнурку когда — меньше дурной работы, — пояснил Литовка. И, отходя, добавил: — И быстрее выходит.

— Ромка! — вдруг крикнул Канюка. — Ты не сильно махай заступом... Нам ещё могилу сегодня выкидывать.

— Какую ещё могилу!? — взревел Макогоныч. — Кто помер?! Литовка, ты это мне брось! Пусть покойник полежит в тенёчке пока! Ему некуда торопиться!.. А кто помер?!

— Могилы — то не работа, — засмеялся Литовка. — Наш покойник только завтра преставится. Обещал подождать один день.

Роман взялся за кирку и принялся лихо рыхлить грунт, размахиваясь из-за спины.

Френчи торопливо пошли к будке, пытаясь побыстрее спрятаться от уже крепко припекавшего солнца. Прораб поспешил за ними.

Старик же вовсе не слушал разговоры. Пройдя метра на три вдоль шнурка, вынул

из портфеля раскладную скамеечку. Разложил её, уселся поудобней, положил на колени зелёную тетрадь и приготовился что-то записывать. Когда Литовка сделал первый удар киркой, дед взглянул на часы, вынул из-за уха карандаш и пометил в тетради: «9.16. — 0 м. Суглинок».

Распушив киркой два метра земли, Литовка штыковой лопатой быстро снял верхний слой. В начале траншеи вырыл яму глубиной в метр, опустился в неё и ловкими движениями стал выбрасывать большие куски земли на бруствер, забирая пласт за пластом сверху вниз.

Через полчаса, пройдя вспаханный киркой участок, он вылез из траншеи и киркой же наметил новый кусок.

Солнце припекало. Но старик держался стойко под палящими июльскими лучами. Сначала он равнодушно смотрел, как Литовка машет киркой, и даже надменно хмыкнул, увидев, что тот взялся рыть шурф. А когда штык лопаты вдруг отрезал кусок земли у его ног, немного отодвинулся в сторону, подозрительно взглянул на часы и записал в тетрадь: «9.45. — 3 м. Суглинок».

— Отец, а отец, — спросил Ромась, не глядя на старика, — чего ты пишешь в книжку?

— Чего надо, то и пишу, — буркнул старик.

— У нас в штабе тоже писарь был, — весело сообщил Литовка, размахнувшись киркой. — Он так быстро писал, что даже наперед за начальника заставы его мысли записывал. Капитан ещё приказ не придумал, а писарь этот приказ уже в журнал записал. Знал наперёд, про чего командир заставы думает. А один раз вышло как... Писарь нацарапал что-то, а капитан возьми и не придумай никакого приказа. Не знаю, как у вас, а у пограничников — написано, значить, должно быть сполнено... Дежурный прочитал, караулам передал к исполнению... А приказа никакого и не было... Конфуз.

— Ну и чего с ним сделали? — спросил старик.

— Известно чего. По закону.

— Под трибунал?

— Если б под трибунал. Бедолаге легкой было бы. На «губе» попарился неделю и опять в наряд. А его заставили переписывать всю тетрадку. Там приказов за целый год набралось — не посчитать! Так вот, как бы и тебе, дедуля, не пришлось переписывать.

Старик только вздохнул в ответ. Он поднялся и, не отлепляя стульчика от штанов, передвинулся на три метра вперед.

Солнце выкатило в зенит и лило на землю жару, как гроздовая туча воду.

Учётчик сделал ещё две записи, вдруг собрался и ушёл.

«Я ж говорил, что писать тяжелее», — подумал Ромась, провожая деда взглядом.

Он выкинул несколько пластов, оставил лопату и пошёл к будке за водой. И подойдя, увидел старика и прораба, неспешно бредущих по дороге в село.

* * *

Ждали заработную плату.

Макогоныч и тракторист Коля с вечера уехали в город, пообещав вернуться к обеду следующего дня.

Мужики в тягостном ожидании нехотя возились в земле. Только Литовка монотонно отмахивал лопатой.

День незаметно заканчивался.

— Интересно, — заговорил Канюка, оставив лопату и глядя на дорогу, — сколько Макогоныч денег нам привезёт?

— Что по разряду положено, — ответил со знанием дела дед Харитон, — больше не дадут, — он сидел на бруствере в ленивом ожидании. — Если ты — первый разряд, то тебе должно заплатить по ведомости триста пятьдесят целковых. А если ты по шестому — получишь пятьсот... Это, конечно, если норму выкидаешь.

— А у нас какой? — спросил Рыбак.

— Вот если бы мы на Московском канале тачку катали или на Куйбышевской гесе, то четвёртый разряд обязательно нам назначили.

— А тут? — спросил Васька.

— На нашей канаве все — первый. Один Колька имеет третий разряд, как тракторист.

Из-за леса на дорогу выкатился «Студебекер». Он притормозил у брода. С кузова на землю прыгнул Макогоныч.

— Что-то денег не видать, — сказал Рыбак.

— Может, Колька несёт? — предположил Канюка.

Но автомобиль, оставив прораба, скатился к реке и с рёвом стал выбираться на противоположный берег.

— Негусто, — заметил Василий, разглядев в руке у Макогоныча только полупустую авоську. — Денег в эту мотню много не покладёшь... Хрен... и тот выпадет!

Прораб, не торопясь, открыл дверь вагончика, долго переодевался, а потом, выйдя на крыльцо, громко позвал:

— Дед!.. Харитон, иди сюда!

Старик подхватил лопату и быстро засеменял к вагончику, отмеряя большие шаги длинными ногами. Войдя в вагончик, плотно притворил за собой дверь. Минут через пять он вышел на крыльцо и громко позвал Рыбака. А сам побежал живо к броду.

Рыбак вышел от прораба довольный и, призывно поманив Канюку, зашагал в сторону реки. Канюка же молча вышел из будки и поплёлся догонять Вальку.

Расплатившись с рабочими, Макогоныч долго не появлялся. Он вышел из вагончика только через полчаса. Бросил взгляд вдоль траншеи, пытаясь увидеть Литовку. Но лужина в том месте, где рыл Роман, провалилась в низину, спрятав землекопа. Не став звать, прораб пошёл вдоль канавы, не спеша. Подойдя к Литовке, тихо сказал:

— Пойдем деньги получать.

— Я ещё метр сделаю. Для круглого счёта. Как раз двадцать будет, — ответил Ромась. — Пусть мужики получают.

— Закончишь — приходи.

* * *

На столе в вагончике стояла две бутылки с зелёной наклейкой «Московская водка». Одна — залитая белым сургучом, а вторая — почти пустая. Рядом на газете лежали толстые ломти варёной колбасы, несколько кусков чёрного хлеба, отрезанные от круглой буханки, и открытая железная банка с кабачковой икрой.

— Садись, — Макогоныч предложил Литовке скамейку. Пододвинул к краю стола стакан и влил в него водку. — Давай выпьем.

— По случаю праздника можна, — ответил Ромась. Опрокинул в рот содержимое стакана и, морщась, взялся заедать колбасой. — А мужики где же?

— Бабам гроши понесли, — деланно засмеялся прораб и, открыв новую бутылку, попытался налить Литовке.

— Хватит, — отказался Ромась. — Давай... и я пойду...

Прораб, помявшись, достал из-под стола лист бумаги, на котором были записаны четыре фамилии, подсунул её Литовке и протянул толстую авторучку.

— Распишись.

Ромась глянул в бумажку и увидел, что против всех фамилий стоят одни и те же цифры — 600.

— У тебя дети есть?

— Есть... — ответил Литовка, глядя в ведомость с недоумением. — Как же это?

— Что? — спросил Макогоныч, делая вид, что он не понимает вопроса.

— Это как же выходит?... Они втроем меньше выкидали, чем я один...

— Какая разница? — сказал прораб, делая вид, что разговор идёт о пустяках, и снова пододвинул Литовке стакан. — Давай выпьем. Поговорим...

— Так, выходит... я и Рыбак — одинаковые? — спросил удивлённо Роман. — Я в день — шестнадцать метров, а он... через силу и семи не вытягивает!

— Ну, ты совсем без головы, мёртвая душа, — раздражённо объяснил Макогоныч. — Это у вас в колхозе все на трудовни. Сто выходил — получи за сто. Тридцать — на тебе за тридцать. Ферштейн?

— Это я и без твоего ферштейна кумекаю! Когда тут немец гулял — тоже трудовнями нас всех мерял!

— А в городе все по расценкам, — прораб налил себе водки и выпил. — По разрядам. По первому — триста восемьдесят в месяц, а по шестому... Так у вас нету такого разряда.

— Я пойду и закидаю назад половину! — воскликнул Ромась.

— Ты не дури! — ответил прораб. — Вся канава уже по акту записана. Завтра придут кабель укладывать.

— А за те лишние, которые я выкидал, когда мне заплатят?

— Ну, считай, что ты обязательство какое принял на себя, — сказал Макогоныч. — К дню Красной армии или Парижской коммуны... Ты как вроде в колхозе — стахановец...

— Плевать я хотел на твою Парижскую коммуны! — выкрикнул Роман. — Где — она, а где — канава?! Мне дитё и себя обути на зиму надо. Одни ботинки пятьсот рублей в сельмаге!.. Для того и старался.

— Чего ты шумишь, мёртвая душа? — зашипел Макогоныч.

— Я — не мёртвая душа! Я — живой! И — человек! Этот твой дедок-зануда зачем

записывал за мной метры?!)

Макогоныч достал пачку «Казбека», распечатал, протянул Ромасю.

— Кури.

— Не курю я!

— Если бы ты для этого деда не выкидал, то я б уже в тюрьме сидел, — сказал про-
раб. — Обвинили б в приписках. И — на Колыму... А так... деньги есть. Закуска... Ещё я
тебе ботинки выдал...

— Я их назад принесу. Неодёванные ещё...

— Ты послушай, чего скажу, — Макогоныч снова налил себе водку и выпил. — Не-
нужный у тебя талант для этой жизни. Ты или копай как все... или не приходи.

* * *

Литовка побрел от вагончика, тяжело переставляя ноги и спотыкаясь, словно сле-
пой, потерявший посох. Он, не подворачивая штанин, вошел в воду, которая показа-
лась ему по-зимнему холодной. В это время с поля на речной песок выскочил с рёвом
«Студебекер». Не сбавляя хода, точно убегающий воришка, грузовик врезался в реку
и, разбрасывая струи по сторонам, перелетел на противоположный берег и скрылся в
луговой темени.

— Тфу, корова гулящая! — крикнул Литовка со злостью вослед машине, даже не
пытаясь защититься от холодного дождя брызг. — Носит нелегкая всяких!

Тяжело поднялся на край поля и остановился.

В избах уже зажглись окошки. Откуда-то долетал крик шального петуха, опоздав-
шего на насест, да в тёмно-сером небе черными лоскутиками проносились летучие
мыши.

«Вот тебе и три тыщи! Наобещал на свою голову!.. А чего теперь брехать?! — Роман
думал, как скрыть от Варвары собственные унижение и обиду. Неспособность врать
его угнетала. Он чувствовал себя виноватым перед ней. — Лучше б я не обещал!..»

Угнетало бессилие перед Макогонычем, комиссией во френчах, стариком-учётчи-
ком, Сафроном-пасечником. Они вдруг все разом явились перед глазами, выскочив из
тёмной стены кукурузы. Только теперь эти ночные вурдалаки не смеялись, а, чавкая,
скалились острыми, длинными клыками. Пришли на память убогая застава и сибирс-
кая Семёновка. Роману показалось, что в тех дальних краях он был бы недосыпаем для
этих острозубых зверей. Захотелось убежать туда...

«Нам бы с Варькой в тайгу...» — подумал он.

Мысль, уносившая его в далекую, спасительную сибирскую глушь, вдруг застопо-
рилась упрямо, словно лошадь посреди дороги, почувствовавшая впереди беду. И Ро-
ман понял, что и на Дальнем Востоке он всё равно не избавится от всех этих злых лиц.

— Подавитесь вы своей канавой! — его охватила удушливая ненависть. Он со зло-
стью размахнулся заступом и ударил им о землю. И все кривые лица вдруг трусливо
исчезли, а злость ушла из души вместе с ними. Роман стал дышать легко и свободно, как
тогда, когда отдал деньги Татьяне. — Пойду лучше к людям погребка выкидать. Они хоть
платят меньше... зато — честно.

Литовка ещё не успел переступить порог, как Варвара радостно доложила:

— Ромась, сегодня на машине приезжали двое из города.

— И им канаву копать?

— Нет. Орг... чего-то...

— Оргнабор...

— Садись. Я борщ сварила, — она поставила на стол полную дымящуюся миску и
положила рядом хлеб, луковицу и деревянную ложку. — Набирают... в городе стены
химзавода выкладывать. И про паспорт спрашивали.

— И чего?

— Если есть этот треклятый паспорт — сразу общежитие дают.

— А кто без паспорта?

— Утром в пять часов «студером» из села на стройку. А вечером в шесть — назад.

— И совсем не общежитие у них, а барак засыпной...

— Чего это?

— Между двух фанер опилки насыпанные. И — живи...

— Давай поедем. Помрём тут. Зимой опять хата промёрзнет. Шоб стены от холода
загородить — соломы не хватит, — Варвара говорила тихо, точно повторяла давно из-
вестную историю. Роман видел, что её душа и мысли там, в городе, на стройке. И пови-
нуясь этим мыслям, Варвара спросила, словно пропела: — Правда мы будем хорошо
работать? — и подарила Ромасю счастливую улыбку.

— А корова? — спросил Роман, пряча взгляд в миске с борщом.

— Продадим. Я за нее только пятьсот рублей должна... А в городе за работу платить

по правде будут... як директор школы. Там жизнь хорошая, — с весёлой уверенностью сказала Варвара. — Хочешь — на завод идёшь работать. Не понравилось — иди на другую фабрику. И никаких тебе трудодней. Это же сколько у нас надо ячменя и жита провезть на току на те самые деньги, какие на канаве дадут? Трудодней за три года не соберёшь. Ромась, миленький, там же люди по-другому живут. Ты пойдёшь копать. А я устроюсь в столовую. Я один раз в такой столовке ела. Мама моя, покойница, такого свиным не варила, чего они людям варят. А я ж умею варить... — она села за стол напротив. — Как борщ? Вкусно?

— Очень, — ответил Ромась. — Курку зарубила?

— Да там ни одного кусочка мяса нету. Где ж его взять. Цыплята ещё малые... Жалко резать.

— На том заводе деньги только на турецкую пасху и заплатят, — сказал серьезно Ромась.

— Хотя раз в год, а — заплатят. Это ж тебе не трудодни наши — как кот заплакал... А мы будем работать... Серёжа в школу пойдёт...

Они сидели, глядя друг другу в глаза. Варвара попробовала улыбнуться и передать свою весёлую уверенность Роману. Но тот хмуро смотрел на женщину. Его глаза горели недобрый огнем.

— А когда эта самая турецкая пасха? — вдруг настороженно спросила Варвара. — Сразу за нашей?

— Не бывает у турок пасхи! — выкрикнул Роман. — Чего в том в городе ждать, если они на канаве не платят?! Мне и деду Харитону по шестьсот заплатил Макогонич, — Роман вывернул карман брюк и бросил на стол большие чёрно-бежевые бумажки. — Вот тебе твой завод!.. Выгнали меня из канавы!

— За што? — растерянно спросила Варвара.

— За то, што копаю лучше, чем Канюка! Чем другие!

— А як же надо? — она смотрела в глаза Романа, точно видела что-то потаённое на их глубоком чёрном дне.

Они замолчали, продолжая смотреть друг на друга.

— Чего ж нам делать, Ромась, миленький? — спросила Варвара подавленно после долгого молчания. В её голосе не было ни испуга, ни мольбы к небесному заступнику. Она встала из-за стола, подошла к лампе и подняла фитиль. Пламя вспыхнуло и озарило её лицо.

— Ты чего это удумала, Варька?! Палить?! — нервно выкрикнул Роман. — Не трогай!

— Чего это с тобой? — спросила Варвара с тревогой и обожгла лицо Романа холодным взглядом.

И Роман понял, что его глаза полыхают таким же холодным, колючим огнём.

— Ты подумал, што я буду палить хату? — Варвара вдруг улыбнулась мягкой улыбкой. В глазах загорелась непоколебимая решимость, которая завладевает человеком после долгих и тяжёлых раздумий, когда принято самое главное в жизни решение — биться или смириться. — Нет... Не дождутся!

— Чего мы будем делать?! — спросил Ромась и подавленно опустил взгляд на глиняный пол. Голос его прозвучал надрывно, хрипло. И было не совсем понятно — спрашивает он Варвару или себя.

В это время с печи слез Серёжа и, растирая кулачками глаза, тихо сказал:

— Я исть хочу...